

ЮНЫЙ КОММУНИСТ

№ 19

ОКТАБРЬ

1 9 2 7

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

А.б. р. 1253(2)

СО Д Е Р Ж А Н И Е

ПЕРЕДОВАЯ.—По пути к меньшевизму	3
Я. РУБИНШТЕЙН.—Наши задачи в области деп	9
Ф. Л.—Белый террор и рабочая молодежь	18
П. СЛЕПНЕВ.—«Худшие враги»	24
А. ГОРЛОВ.—О панике «храбрецов»	33
Л. СТАЛЬСКИЙ.—Просьбы и жалобы	39
В. ГОЛИКОВ.—Молодые зубы и крепкие руки	48
В. Н.—Куда ведут некоторые ошибки	53

Критика и библиография

К. АНТОНОВ.—Н. Чаплин.—«Об оппозиционной клевете на комсомол»	60
С. НИКОЛАЕВ.—Пехота на перевале	61
И. РАЗИН.—Н. К. Крупская.—Пути пионерского движения	62

Выходит с 1918 г.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЮНЫЙ КОММУНИСТ

ТЕОРЕТИКО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ДВУХНЕДЕЛЬНИК
Ц К В Л К С М

ОКТАБРЬ

№ 19

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

1927

Ac. p. 1253(2)

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА:

1 мес. 65 к. || 6 мес. 3 р. 70 к.
3 мес. 1 р. 90 к. || 12 мес. 7 р. 20 к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

В Главной Конторе периодических изданий
Из-ва «Молодая Гвардия»: Москва, Твер-
ская, № 37; в отделениях и магазинах
«Молодой Гвардии» и во всех почтово-
телеграфных конторах СССР

По пути к меньшевизму

Всего пару месяцев тому назад—8-го августа—оппозиция написала заявление, в котором обязалась «выполнять все решения ВКП и ее ЦК» и «сделать решительно все для уничтожения всех элементов фракции».

У партии были достаточные основания не верить в искренность этого заявления. Партия не могла забыть «исторического» заявления оппозиции от 16-го октября прошлого года. В том документе оппозиция отмежевывалась от германских ренегатов от коммунизма, обязалась прекратить фракционную деятельность и подчиниться решениям партии и ее руководящих органов. И это свое заявление оппозиция грубо нарушила.

Вот почему у партии не могли не быть опасения в том, что и свое заявление от 8-го августа оппозиция рассматривает лишь как пустую бумажку лишь, как маневр, ни к чему решительно не обязывающий.

И эти худшие опасения партии оправдались. Еще не успели обсохнуть чернила на заявлении оппозиции от 8-го августа, а уж новые недопустимые факты свидетельствуют о том, что антипартийная деятельность оппозиции не только не прекращается, но и усиливается.

В прошлом году после заявления от 16-го октября оппозиция дала партии два месяца передышки. В течение двух месяцев она если и не совсем прекратила свою работу, то по крайней мере сократила ее.

Сейчас оппозиция даже и этого незначительного шага не сделала. Буквально на второй день после подписания заявления об обязательстве «сделать решительно все для уничтожения элементов фракций» она нелегально стала организовывать антипартийную типографию.

Такого возмутительного по своей антипартийности факта большевистская партия не знает. В нашей партии были разногласия, были колебания, были неленинские течения, но ни одна из находившихся внутри партии группировок не позволяла себе с помощью беспартийных нелегально от собственной партии организовывать типографию.

На это мог решиться лишь тот, кто в своей антипартийной разлагающей деятельности дошел до последних пределов, кто решил ни перед чем не останавливаться в своей антипартийной деятельности. На такой шаг мог решиться лишь тот, кто сознательно идет на раскол партии, кто видит цель своей общественной жизни в том, чтобы создать систему двух партий в стране пролетарской диктатуры.

Какую цену приобретают после этого уверения оппозиции в том, что она за ленинское единство, что теперешнее партийное руководство нарушает единство? Пустые, лживые, лицемерные фразы, рассчитанные на то, чтобы пустить пыль в глаза политически неискушенным людям! Оказывается, что бороться за единство партии можно лучше всего, организуя нелегально от партии типографию, а нарушает единство тот, кто против подобных поступков борется.

В прошлом году, когда ренегат Оссовский выдвинул теорию двух партий в нашей стране, Троцкий заявил, что Оссовский чувствует, что у рабочего класса где-то «жмет сапог», и на этом основании боролся против исключения Оссовского из партии. Теперь ясно, что в этой защите Оссовского была своя логика. Оссовский лишь выболтал то, что более умные оппозиционные лидеры глубоко затаили в себе. На практике сейчас оппозиция быстрыми шагами идет к осуществлению теории Оссовского, хотя на словах она и сейчас клянется на всех перекрестках в верности единству партии.

Лицемерные слова о единстве и оссовщина на практике — таков организационный путь оппозиции. Этот путь явился неизбежным следствием ее политической линии. Ибо, катясь к меньшевизму в политике, оппозиция не могла не локатиться к меньшевизму и в организационных вопросах.

XV партконференция охарактеризовала взгляды оппозиции, как «социал-демократический уклон в нашей партии». С тех пор оппозиция не переставала развиваться, но не к ленинизму, а от него. Вот почему, нам кажется, следует говорить об оппозиции не как о социал-демократическом уклоне, а как о меньшевистской группе, пытающейся проводить в большевистской партии меньшевистские взгляды.

Ибо меньшевистской является оценка оппозицией всех основных процессов, происходящих в нашей стране. К десятилетию пролетарской диктатуры правящий класс подводит итоги жизни и деятельности первой в мире Советской страны. Эти итоги имеют колоссальное, всемирно-историческое значение. Пролетариат доказывает ими, что он может строить социализм и его построит. Пролетариат доказывает, что и он умеет управлять государством. Пролетариат доказывает, что капитализм должен быть с исторической неизбежностью заменен периодом пролетарской диктатуры, основной задачей которой является построение социалистического общества.

Само собой понятно, что при подведении этих итогов было бы вредной иллюзией и самообманом всякое самообольщение, всякая попытка изобразить дело таким образом, что все трудности, недостатки и недочеты уже изжиты и что у нас уже царит всюду чуть ли не социалистический рай. Глушцов, утверждающих это, мы не видели. Да и всякий поймет, что не мало у нас должно быть еще трудностей и недостатков, если всего лишь шесть лет занимаемся мы относительно мирным строительством после восьми лет войны, блокады, голода и болезней. Да и всякий поймет, что не может не быть трудностей и недостатков у пролетарского государства в стране с многомиллионным крестьянским населением, отсталой техникой и сравнительно немногочисленным пролетариатом. Не нужно быть оппозиционным лидером, чтобы понять все это.

Но одно дело трезво оценивать положение, спокойно отмечать как достижения, так и недостатки, а другое дело видеть лишь трудности и недочеты и панически вопить только о них. Такая односторонность неминуемо приводит к пессимистической оценке современной действительности, такая односторонность неминуемо приводит к меньшевистской оценке основных процессов, происходящих в нашей стране.

К такой меньшевистской оценке скатилась и оппозиция. Ибо вся соль ее взглядов заключается в том, что она сквозь оппозиционные очки не видит наших достижений и в невероятно преувеличенном виде рисует себе трудности на нашем пути. Такой своеобразный дальтонизм в политике может принести значительный вред, потому что им искажается действительное соотношение сил и дается неверная перспектива.

Чем, как не пессимизмом, как не меньшевистской оценкой нашего положения, объяснить тот факт, что оппозиция проглядела колоссальнейшее строительство, развернувшееся в нашей стране, что она не заметила Волховстроя, Днепростроя, начавшихся работ по строительству Семиреченской железной дороги, что она не увидела новых корпусов фабрик и заводов, с каждым годом вырастающих на Советской земле? Почему оппозиция не видит, не хочет видеть, что промышленность наша крепнет с каждым годом, что удельный вес ее в хозяйстве страны увеличивается, что руководящую роль промышленности во всем народном хозяйстве могут не заметить только слепцы? Оппозиция не заметила всех этих колоссальной важности фактов, потому что она скатывается к меньшевизму, твердит меньшевистские азы, разговаривает языком «Социалистического Вестника».

Чем, как не пессимизмом, как не меньшевистской оценкой оппозицией нашего положения, можно объяснить тот факт, что оппозиция не видит, как материальное положение пролетариата в нашей стране непрерывно улучшается, как крепнет, сплачивается.

укрепляет свои позиции рабочий класс против антипролетарских элементов в стране? Почему оппозиция не видит, что, несмотря на все трудности и лишения, несмотря на карканье оппозиционных воров, пролетариат упорно, настойчиво, с колоссальным стремлением к победе строит социализм и готов беспощадно бороться против всяких попыток отобрать у него завоеванную власть? Оппозиция не видит всего этого, как не видят этого и меньшевики, к которым она постепенно скатывается.

Чем, как не пессимизмом и меньшевистской оценкой нашего положения, объяснить тот факт, что оппозиция видит в деревне только известный рост кулака, никем не отрицаемый, и проглядела колоссальной важности итоги последних перевыборов в советы? Почему не заметила оппозиция, что, как это показали перевыборы, позиции пролетариата в деревне крепнут, происходит хозяйственный подъем и улучшение материального положения бедняцко-средняцких слоев крестьянства, крепнет союз пролетариата и бедноты с середняком против кулака? Оппозиция не видит всего этого, не хочет видеть, она предпочитает смотреть на советскую деревню глазами меньшевиков из «Социалистического Вестника».

Чем, как не пессимизмом, как не меньшевистской оценкой нашего положения, объяснить тот факт, что оппозиция, повсюду кричащая о бюрократизме, не заметила широкой и упорной борьбы, ведущейся трудящимися массами, под руководством нашей партии, с этим злом? Почему оппозиция проглядела происходящее за последние годы оживление советов, вовлечение широких масс рабочего класса и крестьянства в работы их секций, систематическую борьбу всей партийно-советской и комсомольской печати против бюрократизма? Почему оппозиция не видит необычайного роста творческой самостоятельности и инициативы масс, этого необходимого условия для преодоления бюрократизма? Оппозиция не видит всего этого, как и не видят этого меньшевики, к которым она скатывается.

Чем, как не пессимизмом и меньшевистской оценкой нашего положения, можно объяснить тот факт, что оппозиция проглядела, как в ряды партии и комсомола вливаются новые кадры рабочих и рабочей молодежи, как единство, сплоченность и монолитность ленинских рядов партии и ВЛКСМ крепнет, как в рядах их непрерывно выковываются новые кадры пролетарского актива, тесно связанного с массами, ленински закаленного, готового дать резкий отпор всяким шатаньям и блужданиям в рядах партии? Почему оппозиция проглядела, как необычайно выросли авторитет и влияние партии в глазах самых широких масс трудящихся, как непрерывно растет доверие к ней, как ее лозунги быстро схватываются и претворяются массами в жизнь? Оппозиция не замечает всего этого, как не замечают этого и меньшевики, в глазах которых

наша партия является кучкой узурпаторов, диктующей волю массам.

Чем, как не пессимизмом, как не меньшевистской оценкой нашего положения, можно объяснить тот факт, что оппозиция не заметила роста симпатии к СССР со стороны рабочего класса всего мира, роста, который происходит, несмотря на усиливающийся напор на нас со стороны мировой буржуазии? Почему оппозиция не видит, как жадно тянутся изо всех стран к нашему пролетарскому государству рабочие делегации, с каким глубоким удовлетворением узнают рабочие всего мира правду о нас, проникающую к ним, несмотря на все заградительные барьеры лжи и клеветы? Оппозиция не видит, как крепнут дружеские нити, связывающие рабочий класс СССР с его братьями на Западе, как не видит этого и меньшевики.

Этот пессимизм, эта меньшевистская оценка были всегда характерны для Троцкого. Еще в дореволюционные годы он предсказывал: «Без прямой государственной поддержки европейского пролетариата рабочий класс России не сможет удержаться у власти и превратить свое временное господство в длительную социалистическую диктатуру. В этом нельзя сомневаться ни минуты». Даже в 1922 году, уже после 5 лет существования советской власти, тов. Троцкий писал: «Подлинный подъем социалистического хозяйства в России станет возможным только после победы пролетариата в важнейших странах Европы».

Все теперешние взгляды оппозиции имеют исходной точкой этот пессимистический троцкистский взгляд на характер нашей революции. Во всей своей деятельности оппозиция занимается лишь переживом этой старой троцкистской идейки и дальнейшим ее развитием. А это развитие неминуемо влечет к меньшевизму.

И эти троцкистские идейки, эту меньшевистскую оценку действительности оппозиция пытается привить нашей партии! Напрасный труд! Никакими силами не удастся стащить партию с ленинского пути, не удастся потому, что партия глубочайшим образом убеждена, что этот путь единственно правильный, что только он ведет к окончательному торжеству пролетарского дела.

Но если оппозиция заражена мрачным пессимизмом при оценке положения СССР и основных процессов, в нем происходящих, то у нее зато имеется необычайный, ничем не оправданный, оптимизм при оценке своих собственных крохотных сил.

Вот что, например, писал Троцкий о деятельности руководимой им группы в сентябре прошлого года:

«Объединенная оппозиция показала в апреле и июле и покажет в октябре, что единство ее взглядов только укрепляется под влиянием грубой и нелояльной травли, и партия поймет, что только на основе взглядов объединенной оппозиции есть выход из нынешнего жестокого кризиса».

Октябрь прошлого года прошел, и объединенная оппозиция ничего, кроме собственного банкротства партии не показала. Прошел еще год, вновь принеший оппозиции жесточайшее крушение ее надежд. Это не мешает оппозиции попрежнему пьезкаться и многозначительно заявлять: мы еще покажем!

Но этот год показал и другое: терпению партии приходит конец. Она не хочет и не может видеть больше, как топчутся в грязи ее решения, как не считаются с единодушно высказанным мнением всех партийных организаций, как одинокие «сверхчеловеки» ставят свою волю и свое мнение выше воли и мнения миллионной партии.

Партия не хочет и не может видеть, как ничтожная по численности группа систематически разлагает единство ее рядов, ведет фракционную работу, отвлекает массы от творческой деятельности.

Партия не хочет и не может видеть, как конспиративно от нее, нелегально создаются членами партии вместе с беспартийными антипартийные типографии, как ведется губительная подготовка к расколу, к системе двух партий.

Всего этого партия больше терпеть не хочет. Она единодушно хочет единства и прекращения раскольнической деятельности. Она обращается с призывом ко всем честным рабочим, увлеченным оппозиционными вождями, порвать с фракционной деятельностью и вновь вступить на ленинский путь.

А по отношению к тем, кто уже окончательно ослеплен фракционной борьбой, кто не может остановиться на своем гибельном пути сползания к меньшевизму, кто, несмотря на все решения партии, не прекращает своей разлагающей деятельности, — по отношению к ним партия найдет в себе достаточно сил и мужества, чтобы поставить их на должное место.

Партия хочет единства, и она его добьется!

Наши задачи в области цен

Вокруг вопросов о ценах происходила еще недавно оживленная дискуссия. В настоящее время этот весьма сложный вопрос может считаться окончательно решенным в том смысле, что ведение принятой линии в области политики цен не вызовет теперь почти ни у кого возражений и, что особо важно, эта линия на деле проводится в жизнь.

Проблема цен, непосредственно связанная с политикой денежного обращения, с общим финансовым хозяйством страны, с проблемой экономических, а значит и политических взаимоотношений основных классов страны (у нас—пролетариата и крестьянства), является едва ли не самой трудной многосторонней и сложной задачей всей экономической политики государства. От линии поведения в этой ответственной области экономической политики зависит нормальное развитие всех сторон хозяйственной жизни. Всем памяты наши серьезные хозяйственные затруднения, возникшие осенью 1923 года, когда относительно ничтожные количества изделий промышленности не находили себе сбыта и заполняли склады промышленных и торговых предприятий. Товаров не покупали, не покупали не потому, что население в них не нуждалось (смешно было бы об этом говорить в 1923 г., когда мы только-только стали вылезать из периода полнейшего обеднения и почти полного отсутствия производства в течение 5—6 лет); цены на промтовары были настолько высоки, что население было не в состоянии эти товары приобретать. При чем лишенными в первую очередь возможности приобретать промтовары были крестьяне в силу той причины, что их продукция — хлеб продавался по крайне низкой цене, по сравнению с ценами на изделия промышленности. И естественно, что когда такой потребитель промышленной продукции, каким является в нашей стране крестьянство, вышал, спрос на промтовары, резко сократился, и товары стали накапливаться на складах производителей и товаропроводящей сети—потребитель непосредственный их не покупал.

Говоря о ценах на промтовары, мы тут же столкнулись с ценами на хлеб. Это и понятно. Говорить «вообще» о ценах на какую-нибудь группу товаров бесцельно. Уровень цен на ту или иную категорию товаров отражает, в основном, определенный размер доходов соответствующей категории населения или отрасли хозяйства, производящей этот вид товаров. И если, грубо говоря, стоимость изделий всей промышленности составила за год 5 млрд. руб., а сельского хозяйства 10 млрд. руб., при чем крестьянство из этой суммы своих доходов потребило 5 млрд. руб. своей же продукции, то остальные 5 млрд. могут и должны быть, очевидно, обращены на приобретение изделий промышленности (машины, железо, платье,

сахар, керосин). Ну, и город пред'являет спрос на изделия промышленности, скажем, в размере 1 млрд. руб.

В результате, общий спрос, пред'являемый к промышленности на ее изделия, достигает 6 млрд. руб., против тех 5 млрд., на которые она выработала за год товаров. Спрос на один миллиард рублей остается без удовлетворения.

Нужно сказать, что историческое развитие России так складывалось, что на протяжении всего ее дореволюционного прошлого наблюдалась такая, примерно, картина. Недостаточно интенсивно развиваемая промышленность производила относительно меньше товаров, чем сельское хозяйство. В условиях частно-капиталистического хозяйства, где спрос и предложение в конечном счете регулируются стихией рынка, такое соотношение в производствах промышленности и сельского хозяйства привело к определенным результатам. Как известно, на рынке уровень цен определяется размерами, соотношением спроса и предложения. В конечном счете, в результате преимущественно *аграрного* развития дореволюционной России, цены на основные два вида товаров (промышленные и сел.-хозяйственные) сложились неблагоприятно для крестьянства. Цены сельскохозяйственные были, относительно, ниже промышленных.

Итак, говоря об уровне цен на промтовары или сел.-хоз. товары, необходимо всегда иметь в виду не только и даже не столько абсолютные размеры цен на этот товар, а *соотношение* цен между важнейшим (по количеству и характеру) группами товаров, из коего может быть выведен показатель, характеризующий общий средний уровень цен в стране. Исходя из этих данных, можно судить о том, являются ли нормальными те или иные цены.

Но на нынешней ступени развития международного обмена ни одна страна, участвующая в последнем, не может не считаться с уровнем мировых цен. Действительно, совершенно очевидно, ведь, что мы никак не можем не считаться с мировыми ценами на хлеб, промышленные товары и пр. Мы вывозим за границу хлеб и ввозим машины. Если внутри страны существующий уровень хлебных цен превышает мировой, то, естественно, экспорт хлеба становится убыточным и невыгодным. То же относится и к ценам на изделия нашей промышленности. Поскольку интересы хозяйственного развития властно диктуют необходимость расширять наш экспорт и усиливать соответственно импорт, для нас является невозможным игнорировать мировой рынок с его ценами.

Итак, мы видим, что уровень цен внутри страны контролируется с двух сторон: во-первых, с точки зрения сохранения и укрепления здоровых взаимоотношений между городом и деревней (промышленностью и сельским хозяйством), позволяющих нормально развиваться важнейшим секторам народного хозяйства и, во-вторых, с точки зрения обеспечения возможности рационального участия в международном товарообороте.

С обеих точек зрения в наши интересы входит цены на промышленные изделия снижать. Мы знаем, что они до настоящего времени значительно превышают уровень мировых цен и, относительно, уровень внутренних цен на сельскохозяйственные товары. Равным образом, с точки зрения укрепления нашей валюты, повышения покупательной силы червонца, снижение цен на продукцию промышленности является совершенно необходимым. Политика партии и правительства на протяжении последних лет исходила именно из этих положений, выражая тем самым интересы самых широких

массе трудового населения, повышение материального благосостояния которых непосредственно зависит от степени удешевления промтоваров. Всякое снижение цен на промтовары одновременно вызывает увеличение реальной заработной платы рабочих и служащих и уменьшает разрыв в ценах на изделия промышленности и сельского хозяйства, улучшая тем самым положение крестьянства.

Здесь может возникнуть вопрос о том, что материальное положение крестьянства могло бы быть улучшено путем повышения цен на хлеб. Но мы уже указывали, что связь с мировым рынком вынуждает сохранять определенный уровень цен прежде всего в отношении эксплуатируемых товаров. Таковыми у нас является хлеб в первую очередь. Мы не можем допускать повышения цен на хлеб, ибо в этом случае его экспорт стал бы нерентабельным, экспорт хлеба пришлось бы уменьшать, сворачивать, что в одинаковой степени невыгодно и для крестьянства и для рабочего класса. Невыгода заключается в том, что, сокращая экспорт хлеба, пришлось бы сократить и импорт предметов промышленного оборудования; в то же время, сохранение в стране больших излишков хлеба повлекло бы за собою падение цен на него. Единственно рациональным выходом из положения является в этих условиях снижение цен на промтовары при стабилизации хлебных цен, сохранение нормального уровня этих последних, позволяющего с выгодой вывозить хлеб за границу и расширять ввоз предметов, необходимых для ускорения процессов индустриализации страны.

Методы снижения цен

Основными факторами, определяющими стоимость промтоваров, являются себестоимость производства и расходы, связанные с передвижением изделий с мест производства до потребителя, иначе говоря, расходы по содержанию товаропроводящего аппарата.

Снижение цен на промышленные товары может происходить, следовательно, за счет удешевления производственных расходов и уменьшения издержек по содержанию торгующих организаций. Проводимая кампания за снижение цен должна была, естественно, охватить оба эти определяющие цену товара элемента.

Добиться удешевления себестоимости производства, это значит достичь определенных результатов в деле повышения производительности труда, экономии материалов, рациональной постановке всех сторон производства. В наших условиях снижение цен может происходить только в соответствии с интересами рабочего класса. Поэтому добиваться удешевления производства за счет снижения заработной платы мы не можем. Наоборот, в СССР происходит *систематическое* повышение заработной платы рабочих, в ряде отраслей промышленности недостигающее по своим размерам тех достижений, какие имеются в области повышения производительности труда. Тов. Куйбышев приводит в своем докладе второму пленуму ВСНХ СССР ряд весьма показательных цифр:

«Если оценивать результаты 1-го полугодия 1926/27 г. в отношении 1925/26 г., получается следующая картина. По стекольной промышленности, являющейся крайне важной с точки зрения стоимости строительных материалов, выработка возросла на 5 проц., а зарплата на 13 проц., по металлургии—9,8 проц., выработка, 11,1 пр.—зарплата, по цементной промышленности выработка ниже, чем в предшествующем году, а зарплата выше на 4,7 проц. и т. д.

Задача повышения производительности труда в свете кампании за снижение цен является одной из важнейших. Разумеется, что до тех пор, пока мы значительно не приблизимся к уровню производительности западно-европейского рабочего, не может быть речи об уравнивании наших цен с западно-европейскими. Мы обладаем огромными преимуществами перед капиталистической промышленностью, мы не знаем многих издержек, неизбежных в капиталистическом предприятии; хозяин наших заводов не проедает части прибыли, на подобие капиталистов; плановый характер организации производства позволяет экономнее и с большим эффектом затрачивать средства. И все же, несмотря на все эти преимущества, мы производим дороже и хуже, чем капиталистические предприятия. Было бы верхом легкомысленности и поверхностности приходить от констатирования одного этого факта в отчаяние. Сравнить условия производства в СССР в передовых капиталистических странах вне учета исторических процессов развития и дальнейших перспектив, значит заниматься чистой схоластикой, значит заниматься «экономическим» анализом весьма и весьма сомнительного свойства.

В самом деле, как обстояло дело до революции? Разве в те годы русская промышленность не производила хуже и дороже, чем за границей, несмотря на исключительно благоприятные условия, в которых она находилась в смысле дешевизны сырья и рабочей силы и *использования* иностранных капиталов? Разве теперь можно говорить о том, что мы располагаем теми же условиями? Конечно, нет. Мы не можем строить свое благополучие на эксплуатации рабочего класса, на установлении 10—12-часового рабочего дня, на жесточайшей эксплуатации женского труда и труда подростков. Наконец, мы не пользуемся поддержкой иностранных капиталов (а скорее наоборот, мы весьма реально ощущаем их противодействие).

Та титаническая борьба, которая теперь ведется рабоче-крестьянской страной, как раз и направлена против варварских условий дореволюционной жизни, против отсталых условий производства, против эксплуатации труда. Сравнение производственных результатов нашей страны и европейских вносит ясность в положение вещей, когда мы одновременно сравниваем дореволюционные условия экономической и культурной жизни и разворачиваем реальные перспективы будущего. В тему настоящей статьи не входит анализ перспектив нашего хозяйственного развития. Однако, мы можем констатировать, что те весьма минимальные, весьма осторожные предположения, которые рисуются пятилетним планом хозяйственного развития, приведут в скором будущем страну к несравнимо более высокому культурному и материальному уровню, чем она была перед революцией. И если мы говорим, что в ряде капиталистических стран изделия промышленности вырабатываются лучше и дешевле, чем в СССР, то мы можем и должны также сказать, что в условиях планового социалистического хозяйства стоимость производства должна быть еще ниже, а качество еще выше, чем в самых передовых капиталистических странах. И поскольку мы такое хозяйство строим, плановый характер нашего развития усиливается, социалистические элементы в стране растут, завоевывая все новые и новые позиции, постольку нашей борьбе за снижение цен обеспечен успех.

Из этого положения делать вывод о том, что раз-де мы все равно снизим цены, к тому ведет нас характер нашего развития, значит нечего сейчас беспокоиться, было бы, разумеется, крайне ошибочным. Характер нашего развития обеспечивает нам снижение цен, однако, снижением цен определяется и характер нашего развития. Поэтому именно нам есть из-за чего и пожертвовать кое-чем ради достижения определенных результатов в деле повышения производительности труда, рационализации производства, в деле снижения себестоимости производства.

Если *воля* к удешевлению себестоимости производства является первым необходимым условием успеха борьбы за снижение цен, если повышение производительности труда является столь же неизбежным шагом в деле удешевления себестоимости пр-м-изделий, то рационализация производства непосредственно связана со всем процессом нашего хозяйственного строительства. Знаменуя собою перевод всего хозяйственного аппарата на новые рельсы, повышение технической базы, рационализация является в то же время важнейшим фактором в области борьбы за снижение цен. Как велика в этом отношении роль рационализации, можно судить по следующим словам т. Куйбышева, произнесенным в вышеуказанном докладе:

«Снижение себестоимости в большинстве случаев является следствием принятия тех или других рационализаторских мероприятий. Снижая себестоимость, мы цитаем дальнейшую рационализацию, а рационализация в свою очередь дает новые источники средств, новые возможности к снижению себестоимости. Совершенно естественно, что, вступив на путь снижения себестоимости, переломив ту инертность, которая осталась от прежних лет, мы сможем уже в этом году (т.-е. в 1926/27 г. — Я. Р.) значительно оживить этот процесс рационализации».

Вот как велико значение рационализации, если почти все достижения в области снижения себестоимости производства являются ее результатом. В предыдущем номере «ЮКа» в статье, посвященной специально этому вопросу, можно найти ряд примеров, наглядно иллюстрирующих наши достижения в этой области.

Наконец, важную роль в деле снижения цен играет рационализация нашей торговой системы, до сих пор ложившаяся тяжелым бременем на потребителя промтоваров. Из-за больших торговых наклёдок возникли «ножницы № 2», так называемые оптово-розничные «ножницы». Какое-либо изделие, отпускаемое промышленным предприятием торгующей организации, скажем за 5 р., появлялось в продаже за 10 руб., т.-е. в товаропроводящей сети изделие промышленности удорожалось в два раза. Можно констатировать, что в этой области удалось кое-чего достичь, и эти своеобразные «ножницы» несколько сожмнулись.

Однако в этом вопросе мы в упор сталкиваемся с частным капиталом. В самом деле, всем известно, что сеть государственных и кооперативных торговых организаций обслуживает далеко не на все 100 проц. потребительские нужды населения. Между тем, в условиях товарного голода на ряд изделий промышленности, частный торговец стремится продавать эти товары по повышенной цене, тем самым срывая политику снижения цен. Поскольку государственно-кооперативная торговая система пока еще не может полностью обслужить весь потребительский рынок, постольку присутствие частного торговца, посредника на рынке является неизбежным. Правда,

из года в год роль последнего уменьшается. Из области оптовой торговли частник весьма сильно уже «выдвинут»; одновременно с ростом и укреплением кооперации происходит вытеснение частника и из сферы розничной торговли. Но необходимой предпосылкой непрерывности процесса снижения цен и недопущения их превышения против установленных центральными регулирующими органами является насыщение рынка достаточным количеством товаров, соответствующим размерам платежеспособного спроса населения.

На ряду с методами, так сказать, количественного характера, преследующими непосредственную цель снижения цен, должно происходить качественное повышение вырабатываемой продукции, чем также, естественно, достигается фактическое удешевление товаров. Ведь ясно, что если пара сапог стоит 10 рублей и может быть ношена в течение одного года, а другая такая же пара сапог стоит те же 10 руб., а срок ее носки достигает полутора лет, то цена второй является фактически процентов на 50 ниже первой. Качество здесь переходит в количество. Снижая хоть несколько цену сапог и повышая их качество мы фактически уже значительно их удешевляем, во всяком случае более, чем то явствует из номинальной разницы в ценах. Борьба за повышение качества продукции, на ряду с деятельностью, направленной по линии повышения производительности труда, рационализации производства, взаимно переплетаясь и дополняя одно другое, являются основными и необходимыми элементами всей работы, проводимой в области снижения цен.

Первые итоги и перспективы

Можно считать, что директива правительства о снижении цен на 10 проц. государственными и кооперативными организациями выполнена в общем удовлетворительно. Наркомторг в своем докладе Совету Труда и Оборона указывает, как отразилось снижение цен на различных товарных индексах (индекс—показатель средней цены для данной группы товаров). Из приводимых данных видно, что наибольший успех достигнут в области снижения цен по линии *рабочей кооперации*, где произошло реальное уменьшение уровня цен почти на 10 проц. против января 1927 года. По другим звеньям товаропроводящей сети снижение цен выразилось в пределах от 8 до 9 проц., и лишь в частной торговле оно не достигает 7 проц.

Таким образом, в важнейшем вопросе нашей экономической политики достигнут серьезный успех. На протяжении последних лет мы наблюдали почти неизменный рост товарных цен. Лишь в текущем году в результате поднятой кампании, охватившей широчайшие слои трудового населения и ставшей в центре внимания всех партийных, хозяйственных и профессиональных организаций, наступил *перелом* в движении цен на промтовары.

Достигнутые успехи не разрешают еще полностью стоящих перед нами задач. Хозяйственные условия диктуют необходимость продолжения упорной борьбы за дальнейшее снижение цен. Однако, те резервы, за счет которых снижение происходило до настоящего времени, приходят, в основном, к концу. Торговые организации снижали цены за счет уменьшения накладных расходов, штатов, отчасти своей прибыли и некоторых рационализаторских мероприятий. Уровень цен определяется главным образом размерами себестоимости промышленных товаров. И если, несомненно, наша торговая система может добиться еще некоторого удешевления аппарата пу-

тем его рационализации, то все же остается несомненным, что в дальнейшем *центр тяжести снижения цен в значительной мере переносится на промышленность.*

На основании данных ВСНХ, в течение 1-го полугодия 1926/27 г. себестоимость производства повысилась на 1,1 проц., тогда как производительность труда и заработная плата возросли на 7 проц. Производительность труда не достигала уровня намеченного промышленным планом (12,6 проц.). По тем же данным, перспективы 2-го полугодия рисуются более благоприятными.

Выполнение директивы правительства о снижении цен на промтовары на 10 проц. и частичное выполнение (к концу года) директивы о снижении себестоимости производства во взаимном сочетании являются крупным хозяйственным достижением и служат гарантией *действительного* сохранения достигнутых результатов и их дальнейшего развития.

Первые итоги кампании доказывают также правильность взятого курса, правильность той системы, по которой ведется кампания за снижение цен, и *возможность* осуществить это снижение. В этом отношении весьма показательным является тот факт, что снижение цен произошло и в *частной торговле*, т. е. как раз в той части товаропроводящей сети, которая снижению цен *противодействует*, тормовит проводящую кампанию, ибо понятно, что для частного капитала снижение цен является невыгодным. Государственная и кооперативная торговля за последний год усилилась и энергично проводила, при содействии самих трудящихся и их организаций, кампанию, что и обусловило ее успех и *заставило* пойти частного торговца на невыгодное ему, но неотвратимое снижение цен.

Новый этап хозяйственного развития, характеризуемый миллиардными вложениями в дело капитального строительства и реконструкцией промышленности, должен сильно облегчить в дальнейшем задачу удешевления промышленной продукции. Еще непосредственно ближе сказаться результаты широко проводимых *рационализаторских* мероприятий в следующем 1927/28 хозяйственном году. Однако и те достижения, какие имеются в результате 10-процентного снижения цен, также являются весьма внушительными. Достаточно сказать, что по подсчетам Наркомторга население Союза сэкономило на произведенном снижении цен около 300 млн. руб. Поскольку снижение цен было осуществлено в полной мере, а в отдельных случаях и с превышением по группам товаров широкого потребления, постольку оно положительным образом коснулось непосредственно интересов потребителя. В то же время оно не могло не отразиться на *повышении реальной* заработной платы и повышении покупательной силы червонца. Окончание кампании совпало примерно с началом очередной хлебозаготовительной кампании, каковая ставится, таким образом, в более благоприятные условия, так как теперь будет легче поддерживать хлебные цены на нормальном уровне.

Помимо самого факта успешного выполнения задания СТО о снижении цен на 10%, важно отметить, что это снижение проводилось не стихийно, а организовано по определенному плану. План предусматривал а) пересмотр отпускных цен союзной и местной промышленности, б) пересмотр цен и накидок на нормируемые товары, в) рационализацию товаро-продвижения и торгового аппарата, г) установление норм торговых расходов и прибылей, д) вовлечение

в кампанию советской общественности, е) инструктирование мест и контроль за выполнение плана.

По пункту а можно констатировать выполнение плана союзной промышленностью. В отношении местной промышленности имеется некоторое недовыполнение задания, которое, очевидно, в ближайшем будущем будет восполнено. Пересмотр торговых накидок коснулся в первую очередь 17 групп основных товаров, составляющих 70 процентов всего товарооборота. Вновь установленные нормы торговых накидок требуют максимального упрощения и удешевления товаропродвижения и торгового аппарата. Нужно, однако, сказать, что в основном снижение накидок было произведено за счет уменьшения накопления. Все же и здесь с мертвой точки мы сошли. Имеется ряд определенных успехов в деле упрощения и сокращения товарных перевозок (от треста до низового кооператива), укрупнения районных кооперативных союзов, уменьшены расходы по содержанию кооперативов и их правлений и т. п. Наконец, большое значение в деле рационализации торговли имеет переход к системе предварительных заказов, пока только в отношении текстильной промышленности. Эта система заключается в том, что Центросоюз и местные торговые организации, — близко соприкасающиеся с потребителем и поэтому лучше и точнее знающие интересы и потребности последнего, — привлекаются к рассмотрению производственных программ текстильной промышленности и установлению ассортимента текстильных товаров, предназначенных для выпуска на широкий рынок. Эта система, приближая потребителя к тресту, усиливая его влияние на характер и планы производства, значительно облегчит в то же самое время условия работы текстильной промышленности, получающей возможность производить строго в рамках твердого и реально обеспеченного сбытом плана.

Итак, общий план кампании и его основные элементы, как видим, были в целом выполнены (разумеется, система предварительных заказов выходит далеко за рамки этой кампании). Перед нами стоит задача сохранения достигнутых результатов и их расширения. В сущности методы работы остаются прежние. Теперь лишь в связи с непрерывным ростом капитальных затрат, в связи с новым строительством, значительно возрастает роль последнего в деле снижения общего уровня цен. В этом году мы еще почти совсем не могли ощутить результаты произведенных работ в области нового строительства, т. к. они начались, в сущности, всего лишь 1—2 года тому назад, многие работы еще не закончены, многие же выстроенные заводы только пускаются в ход. Но уже в ближайшие годы результаты нового строительства и переоборудования старых предприятий окажутся. Разумеется, новые заводы, оборудованные по последнему слову техники, будут давать значительно удешевленную продукцию по сравнению с современными ценами. Мы здесь не говорим уже о таких предприятиях, как Днепрострой, Волго-Донской канал и др., значение которых в удешевлении производства и передвижения товаров будет исключительным. Здесь мы имеем в виду десятки и сотни новых заводов, фабрик, шахт, где производство и добыча будут значительно удешевлены. Мы имеем также в виду рационализацию и переоборудование всей промышленности, что также должно дать весьма ощутительные результаты в области снижения цен.

В будущем году 1927/28, намечается снижение себестоимости производства на 5 проц. и некоторое дальнейшее удешевление това-

ропроводящего аппарата. Предполагается, что розничные цены снизятся на 5 проц. При общей годовой стоимости продукции промышленности в 9 млрд. руб. население сэкономит около 400 млн. руб. Помимо всего прочего, облегчением бюджета населения в тек. году на 300 млн. руб. и в будущем году на 400 млн. руб. создаются дополнительные благоприятные условия для размещения государственных займов, что является крайне важным.

Далее, в будущем году должно быть удешевлено *обязательно* строительство на 15 проц. При строительной программе будущего года, достигающей 15 млрд. рублей, 15 проц. составят 225 млн. руб. Удешевить строительство вдвойне важно: во-первых, потому, что чем дешевле обходится строительство, тем больше мы можем строить в рамках тех средств, которыми располагаем, а во-вторых, что этим путем удешевляется продукция строящихся предприятий, поскольку уменьшаются размеры амортизации предприятий.

Борьба за снижение цен будет продолжаться. От участия все более и более широких кругов трудящегося населения будет зависеть темп наших успехов. Комсомол, как видный и передовой участник всех процессов политической, хозяйственной и культурной жизни, должен быть и здесь на посту. Работая на фабрике, в кооперативе, комсомолец должен принимать активное участие в рационализаторской работе, повышать производительность труда, быть образцом дисциплинированности и вместе с тем проявлять инициативу в самых разнообразных вопросах заводской жизни. Нечего и говорить, что комсомольские организации не должны быть и в кампании за снижения цен «в стороне от схватки». А такие случаи имеют место. В «Комсомольской Правде» от 24 авг. т. г. читаем в телеграмме из Вятки: «...За счет чего проведено снижение цен, — за счет снижения прибыли или рационализации, — еще не установлено». Но ясно, что работа по рационализации идет медленно.

Основная причина этого — слабое участие в работе по снижению цен крестьян и профсоюзов. *Комсомольские организации об этой работе забыли.* Несколько дней назад впервые на пленуме стоял вопрос об участии молодежи в снижении цен.

Губкомол провел общегородское собрание комсомольцев, работающих в торговых и кооперативных организациях, и предложил всем организациям усилить свое участие в работе по снижению цен.

Как видим, отстают не только отдельные товарищи, но целые организации. Затем, нам кажется, решение Вятского губкома (оговоримся — в том виде, как это дано в телеграмме) является не полным, поскольку его обращение относится только к товарищам, работающим в торговых организациях. Снижение цен может происходить в дальнейшем лишь при условии снижения себестоимости производства. Поэтому лозунг Вятского губкома должен быть обязательно и в первую голову дан товарищам, работающим в промышленном производстве. Работа по снижению цен, как в промышленности, так и в торговле, неотделима одна от другой.

Необходимо еще активнее, еще сплоченнее продолжать эту важнейшую работу. Теперь, когда всем ясно, что снижение цен может осуществляться и осуществляется, работу эту легче будет продолжать, в потребителе будет найдена еще более крепкая опора и с его стороны можно ждать более мощной поддержки, чем до сих пор.

Белый террор и рабочая молодежь

За ряд десятилетий, которые насчитывает за собой организованное рабочее движение, пролетарская молодежь завоевала себе в нем положение самого левого, непримиримого и самоотверженного отряда рабочего класса, т. е. его революционного авангарда. Положение это вполне заслужено. В то время как еще теперь взрослые рабочие в значительной степени находятся под влиянием различных традиций, меньше — оставшихся от феодально-цехового периода, больше — профсоюзных, реформистских синдикалистских, социалдемократических и др. организаций, в то время как они связаны страхом перед репрессиями, потерей заработка, голодом и гибелью своей семьи, у рабочей молодежи, свободной от этих традиций и находящейся в гораздо более тяжелых экономических условиях, так что часто ей терять вовсе нечего, — руки развязаны.

Пролетарская революционная молодежь, движение которой возникло и развивалось в более поздний период, когда уровень классовой сознательности всего рабочего класса в сравнении с прошлым столетием значительно повысился, сумела освободиться от косного влияния желтых профсоюзов и социалистических партий и созданием Коммунистического Интернационала Молодежи вступила на левый фланг рабочего движения. После революционной волны, прокатившейся по целому ряду капиталистических стран, как следствие разочарования в империалистической войне и выражение солидарности с русской революцией, международная реакция вспыхнула со страшной силой, и вместе с тем экономическое положение пролетариата очень ухудшилось. Баварская и венгерская советские республики были потоплены в крови; безработица, рост дороговизны, создание и развитие целой сети фашистских организаций тяжким бременем легли на мировой рабочий класс. В средних слоях пролетариата наблюдается отчасти упадок революционных настроений, усталость от борьбы, осторожность и недоверчивость ко всякой революционной пропаганде, питаемая систематической клеветнической травлей Советской России и коммунистических партий. Но, наряду с этим, мощные события потрясают устои мирового капитализма. Всеобщая забастовка и героическая борьба горнорабочих в Англии, непрекращающаяся освободительная война в колониях, революция китайского народа, борющегося за свою национальную и экономическую независимость, несомненно говорят за то, что временная стабилизация капитализма близится к концу. И революционная пролетарская молодежь, выполняя свою историческую роль, бессленно находится на самых передовых постах этой борьбы.

На ряду со всеми усилиями социал-соглашательских партий подчинить себе молодежь и свести ее движение на-нет, растворив

ее в своих организациях, буржуазия всегда прекрасно понимала историческую задачу молодого пролетариата, что служит ему лучшей оценкой. Если проследить все его движение, то с несомненной ясностью бросится в глаза настороженное внимание, с которым буржуазия относилась к его развитию. Каждый этап роста союзов рабочей молодежи отмечен репрессивными мероприятиями капиталистических правительств, ослаблявших преследование этих союзов, когда они попадали под влияние с.-д. партий, и усиливавших репрессии, когда они вступали на путь революционной классовой борьбы.

Всякая капиталистическая система, как таковая, неизбежно содержит элементы террора пролетариата, замаскированные или явные. Распространяющаяся все больше и больше в буржуазных странах милитаризация рабочей молодежи, проводимая в «добровольном» или принудительном порядке, является одной из самых страшных угроз международной солидарности молодого пролетариата. Не нужно обладать особой проницательностью, чтобы видеть, что милитаризация стремится не только подготовить население к будущей войне, но и разрознить молодые силы рабочего класса, разлагая их классовое сознание усиленной прививкой патриотизма и солдатского романтизма в период воинского обучения, создавая из них кадры штрейкбрехеров и усмирителей рабочих волнений. И чем агрессивнее держится рабочий класс по отношению к буржуазии, тем интенсивнее развивает она милитаризацию, стремясь отнять у пролетариата его молодежь.

Точно такие же элементы косвенного, замаскированного террора нужно усматривать и в ряде чисто экономических мер, принимаемых буржуазией против рабочей молодежи. Желтые профсоюзы многих стран, подслуживаясь к предпринимателям и не предоставляя своим членам до известного возраста полных прав, облегчают капиталистам массовые увольнения молодых рабочих, замешанных в каких-либо организованных выступлениях против хозяев, снижение зарплат, проведение вынужденной конкуренции, приводящей к сбиванию цен на труд молодежи. В Германии практикуется система насильственного набора молодых безработных на сельскохозяйственные работы на самых тяжелых условиях. В случае отказа от «предложения» такой работы местные отделы труда лишают безработных пособия. Система контрактов на определенный срок, при чем заработная плата выдается обычно целиком по истечении договорного периода, превращает молодых пролетариев в настоящих рабов своих хозяев, тем более, что сплошь и рядом полиция арестовывает и возвращает предпринимателю рабочих, пытающихся освободиться от этого рабства и сбежать от него до срока, не выдержав каторжных условий труда.

Оставляя в стороне эти методы терроризирования рабочей молодежи, имеющие своей целью еще непосредственное извлечение прибыли из ее труда, перейдем к явному, определенному террору, которым буржуазия стремится подавить и уничтожить революционное движение пролетарской молодежи. Здесь тоже нужно различать правительственный полицейский террор и «частную инициативу». С момента своего возникновения различные фашистские союзы центром своей деятельности сделали преследование революционных рабочих организаций. Своими силами и средствами они выслеживали агитаторов, способствовали полиции в поимке их, убивали рабочих вождей, разгоняли собрания, поджигали редак-

ции газет. Весь путь их усеян такими «подвигами». В меньшей степени и гораздо осторожнее такую же работу ведут религиозные юношеские организации, обычно ограничиваясь слежкой, доносами полиции и моральным запугиванием наиболее отсталых групп рабочей молодежи. В Америке существует целая сеть частных сыскных агентств (работающих на чисто коммерческих началах), которые по заказу предпринимателей заводяют их заводы провокаторами для обнаружения революционных рабочих и часто, чтобы оправдать полученное задание, провоцируют рабочих на выступления, дают ложные показания и клеветают самым беззастенчивым образом. Провокация становится профессией и усиленно поощряется полицейскими органами, которым всюду мерещатся заговоры и «московская рука».

Яростный белый террор, верный спутник временной стабилизации капитализма, ожесточается пропорционально росту признаков надвигающейся революционной эпохи. Буржуазное «правосудие», забыв о своих либеральных принципах, осуждает тысячи пролетариев на многие годы тюрьмы и каторги. Расстрелы рабочих и крестьян — по суду и без суда — стали повсеместным явлением. Международная демократия, поднявшая такой крик возмущения по поводу расстрела в СССР 20 явных активных белогвардейцев, превратилась в свору палачей и убийц невинных людей, борющихся за право на труд и человеческую жизнь.

Обращаясь к истории движения рабочей молодежи, мы видим, как белый террор следовал за каждым его шагом.

Так, в Германии закон о союзах запрещал молодежи до 18 лет всякую политическую деятельность, и первые организации рабочей молодежи, официально занимаясь лишь просветительной и экономической работой, постоянно находились под наблюдением полиции; два союза были закрыты в 1906 году, литература организации конфисковалась, вожди привлекались к суду за «разжигание классового антагонизма». Против Карла Либкнехта был поднят процесс за его брошюру «Милитаризм и антимилитаризм», и по обвинению в государственной измене он был приговорен к 1½ г. крепости. В Чехо-Словакии закрытие двух союзов сопровождалось осуждением 44 членов организации на заключение в тюрьме до 2-х лет. В Бельгии первые социалистические группы молодежи были созданы в ответ на зверские репрессии правительства против бастующих рабочих, когда для усмирения их посылались регулярные армейские части и применялись тяжелые орудия. С 1895 по 1904 г. был возбужден ряд громких судебных процессов против руководителей бельгийского движения, в результате чего они были посажены на несколько лет в тюрьму, а секретарь национального комитета — в исправительный дом на 3 года.

В Швеции в 1903 году за воззвание конгресса социалистической молодежи с протестом против агитации за войну с Норвегией правительство бросило тов. Хеглунда в тюрьму. В Испании в период 1905—1907 гг. несколько товарищей были присуждены за антимилитаристические выступления в партийной печати и на собраниях к 4—12 годам заключения.

Империалистическая война явилась тяжелым испытанием социалистических союзов молодежи и вместе с тем их боевым крещением. Те из революционных организаций, которые не были уничтожены войной, развили оживленную антимилитаристическую пропаганду, издавали и распространяли в тылу и на фронте литера-

туру против войны, организовывали демонстрации против мировой бойни и были всегда самыми активными и деятельными участниками всех выступлений рабочего класса. Правительства воюющих и даже нейтральных стран отвечали на эту работу молодых революционных социалистов ожесточенными преследованиями, разгромом их союзов, конфискацией литературы и многочисленными арестами активных работников. Агитаторы часто отсылались на передовые позиции и там расстреливались. В Германии антимилитаристическая работа молодежи преследовалась с особенной яростью. Тов. Либкнехт был снова арестован в Берлине за организацию мощной первомайской демонстрации против войны (в 1916 г.) и приговорен к 4½ годам каторги.

За распространение «Интернационала Молодежи», листовок и др. литературы, за участие в демонстрациях и пение «Марсельезы» товарищи предавались военному суду и осуждались на заключение и каторжные работы. Блестящим доказательством активности и стойкости германской молодежи служит также победа ее в борьбе против приказа генералов, командующих брауншвейгским и магдебургским военными округами, о принудительных сбережениях рабочей молодежи на военные нужды. Рядом забастовок и демонстраций протеста, несмотря на противодействие полиции и армейских частей, избивавших демонстрантов прикладами, революционная молодежь добилась отмены приказов. Австрийская рабочая и учащаяся молодежь арестовывалась и высылалась со своего местожительства по малейшему подозрению в инсценированном полицией «заговоре австрийских международных большевиков». Венгерские, чешские, болгарские, сербские и др. социалистические союзы молодежи были почти целиком уничтожены в военные годы. В Италии репрессии правительства против антимилитаристической деятельности социалистических союзов достигали огромных размеров: многие товарищи были убиты, и целый ряд видных активистов и вождей движения осужден на долгое тюремное заключение. Свирепая цензура, конфискация литературы, беспрепятные обыски и другие приемы полицейского террора не могли остановить самоотверженной работы итальянских товарищей. Только уничтожение и изоляция отдельных главарей могли подорвать эту работу, — все же на их место тотчас же вставали другие, и в общем в этот тяжелый период итальянская социалистическая организация внесла в историю борьбы рабочей молодежи лучшие страницы, являя блестящий пример революционной международной солидарности.

Революционная молодежь нейтральных стран, как Швейцария, Швеция и Норвегия, развившая в военные годы усиленную антимилитаристическую работу, подвергалась тем же репрессиям. Обыски, аресты, высылки, политические процессы и обвинения вождей в государственной измене были неизменными спутниками их деятельности. Даже органы почтового ведомства противодействовали ей, отказываясь отправлять корреспонденцию с антимилитаристическими марками, выпущенными швейцарской организацией.

Особенной жестокостью отличался террор против революционной рабочей молодежи при подавлении финляндской социальной революции в 1917 году, когда члены добровольческих юношеских отрядов тысячами расстреливались или уводились в плен немецкими войсками. Вся социалистическая организация была разбита и движение потоплено в крови...

Послевоенный период, период восстановления хозяйства, экономических кризисов, обесценения валюты в ряде стран, работы на уплату военных долгов, лег тяжким бременем на плечи рабочего класса. Безработица и обнищание пролетариата наряду с расцветом мирового капитализма, снова занявшего относительно устойчивое положение, лишает рабочие массы последних остатков иллюзии, классового сотрудничества и гражданского мира. Время безропотного подчинения трудящихся своим хозяевам безвозвратно ушло, война и русская революция открыли им глаза и сильно сдвинули влево всю основную толщу рабочего класса. Целый ряд революционных выступлений, мощное забастовочное движение (Англия, Китай, Австрия, Польша и т. д.); пробуждение колоний, протест германского пролетариата против возмещения конфискованного княжеского имущества, развитие комсомолов на Востоке и рост сочувствия Советскому Союзу устрашают международную буржуазию, сигнализируя ей приближение новых революционных потрясений. Белый террор, которым она защищается от этой угрозы, говорит за то, что она чувствует серьезную опасность и оценивает силы противника. В эти последние годы белый террор достиг небывалой, неслыханной жестокости. Итальянский фашизм превратил страну в концентрационный лагерь, разогнал профсоюзы, загнал в подполье рабочие организации и своими карательными экспедициями показал миру, до какого варварства может опуститься буржуазия, когда чувствует угрозу своему благоденствию.

В Германии лишь за первое полугодие 1925 г. вынесено приговоров революционным рабочим на 1.300 лет каторги.

На Балканах применяются средневековые методы воздействия: пытки политзаключенных в тюремных застенках заставляют их кончать свою жизнь самоубийством, не дожидаясь смерти на виселице. Массовые убийства крестьянской и рабочей молодежи карательными отрядами, массовые аресты, массовые казни, — вот мероприятия, которыми балканские правители надеются внести успокоение в страны, задыхающиеся от чудовищной эксплуатации и зверского террора.

В книге Анри Барбюса «Палачи», написанной им после поездки по Балканам, описаны ужасы, творящиеся в Болгарии, Венгрии и Румынии. О количестве жертв он пишет: «Было слишком много единичных и массовых убийств. Ни в каких статистических данных не приводится число жертв террора со времени прихода Цанкова к власти, приблизительная цифра убитых равна 18.000. Меня уверяли, что со времени государственного переворота в июне 1923 г. и до покушения на взрыв Софийского собора в апреле 1925 года в Болгарии было совершено 15.000 убийств, а после покушения еще 5.000. Женская комиссия английской рабочей партии сообщает в своем отчете, что убито и исчезло около 20.000 крестьян, среди них 25 депутатов парламента»...

В польских застенках применяются пытки электрическим током, каленым железом и т. д., от которых заключенные часто сходят с ума или кончают с собой. По официальным статистическим данным, на 1.000 человек населения приходится 2 политзаключенных. Среди расстрелянных в Польше товарищей мы видим славные имена комсомольских работников — т. т. Энгеля, Ботвина (убившего провокатора Цехновского), Гольдштейна и многих других. В Корее и Японии студенты преследуются лишь за социологические занятия, в которых буржуазия усматривает угрозу общественной без-

опасности. Система допросов в тюрьмах такова, что многие товарищи не выдерживают ее и умирают в тюрьме или тотчас же после выхода на свободу.

Не отстает от «демократической» Европы и Америка, кичащаяся своими гражданскими свободами. Последний акт белого террора—казнь Сакко и Ванцетти—являет собой образец гнуснейшей провокации, на которую только способна буржуазия и ее прислужники. История двух этих мучеников чудовищно проста. В 1919 году в нескольких городах Соединенных Штатов провокаторами были брошены бомбы в целях инсценировки революционного заговора. Жертвами этой провокации пали невинные рабочие—итальянцы Сальседо и Элизэ, арестованные нью-йоркской полицией. В мае следующего года у здания полиции был найден труп разбитого Сальседо, выброшенного с 14 этажа. Активные революционные синдикалисты Сакко и Ванцетти взялись за расследование дела о гибели своего товарища и организовали в штате Массачусетс ряд выступлений против провокаций полиции. Тогда им было приписано уголовное дело об убийстве артельщика, и суд приговорил их к смертной казни. Несмотря на то, что настоящий убийца артельщика, налетчик Мадейрос, опубликовал свое признание, несмотря на то, что согласно заключений эксперта вещественные доказательства на суде были подложными, наконец, несмотря на тысячи писем, заявлений и резолюций протеста против казни этих оклеветанных полицией рабочих, вопреки общественному мнению и ряду выступлений американских культурных деятелей, Сакко и Ванцетти казнены. Демонстрации и забастовки протеста в самых отдаленных от С-АСШ странах громко кричали о революционной солидарности международного пролетариата. Для массачусетской полиции Сакко и Ванцетти уже являлись не жертвами ее неудачной разоблаченной провокации, а символом этой мировой сплоченности рабочего класса, и, как трусливый страус перед опасностью прячет голову в песок, буржуазия уничтожила грозный символ в лице двух невинных рабочих.

Но на смену тысячам казненных и замученных товарищей подымается новая рать молодого пролетариата. Закаленные суровой борьбой, коммунистические союзы молодежи не отступают перед белым террором, а лишь больше закаляют свою революционную волю и классовое сознание. Но в период реакции, в период разъяренного белого террора пред комсомолами с новой силой встает прежняя задача: крепить ряды МОПР'а. Поддержкой своих товарищей, попавших в руки к белым палачам, борьбой за их освобождение или за облегчение их участи мы сохраним бойцов для общей борьбы, работников для движения, сохраним себе испытанных товарищей. В настоящей тяжелой момент более, чем когда-либо, нам дорог каждый человек из революционной армии пролетариата. Перед наступлением мировой реакции комсомолы должны сплотиться в дружный единый фронт, объединяя под своим знаменем широкие беспартийные массы сочувствующей рабочей молодежи для отпора силам капитализма. Репрессии и белый террор не заглушают их, застенки буржуазных тюрем не сломят их революционного духа, а красный маяк МОПР'а будет светить им путеводной звездой сквозь все стены крепостей, за сотни тысяч километров, говоря им о солидарности международного рабочего класса, и будет поддерживать их стойкость и преданность общему делу борьбы мирового пролетариата с проклятым капитализмом.

Н. СЛЕПНЕВ

„Худшие враги“

Демагоги—самые худшие враги рабочего класса.

Ленин. Т. V, стр. 18.

Борьба оппозиции против партии, начиная с 23 года, все более и более принимает характер борьбы не только против одного какого-либо положения нынешнего партийного курса, но и против основ ленинизма, против всей системы большевизма, против всей партии.

В штыки взяты все принципиальные вопросы, критике подвергается все больший и больший круг деятельности партии, все руководство ее объявляется гнилым, кадры ее объявляются перерождающимися, партия становится уже не руководителем пролетариата, а предательницей интересов пролетариата и т. п.

По существу спор идет об Октябрьской революции, о путях развития Октябрьской революции. Вопрос идет о жизни и смерти партии.

«Ведь, что значит объявить войну партийному аппарату? Это значит разрушить партию. Что значит восстанавливать молодежь против кадров? Это значит разлагать партию. Что значит бороться против группировок? Это значит пытаться разбить партию и ее единство. Что значит развенчивать кадры партии болтовней о перерождении? Это значит пытаться перевернуть партию, переломить ей хребет. Да, товарищи, речь шла о жизни и смерти партии».

(Сталин — Доклад на курсах секретарей укомов, 17 июня 1924 г.).

Ни для кого не будут открытием Америки наши утверждения, что нынешние партийные разногласия в основном уже намечались в дискуссии 23 года.

Уже тогда тов. Троцкий уверял партию, что старые кадры партии могут переродиться (нынешний термидор), что эти старые кадры не понимают новых задач партии, что в партии царствует и главенствует аппарат, осуществляющий самый зверский зажим, и т. д., и т. п.

Нынешняя дискуссия будет еще более значительным уроком для молодежи, чем была дискуссия 23 года. Тем из нас, кто пережил это «стихийное бедствие», новая дискуссия даст новую проверку и закалку, а тем новичкам, кто впервые участвует и является свидетелем партийной дискуссии, она поможет разобраться по «горячим следам» во всех основных вопросах ленинизма. И, несмотря на все «ходячие фразы и софизмы», за которыми мы должны различать настоящее «путь» каждого класса и каждой социальной группировки, молодежь сумеет выудить из бесконечного количества слов новой оппозиции факты и цифры, изобличающие ее антиленинский характер. Собственно говоря, время для такого ана-

лиза всех актов и цифр давно уже пришло. Если мы говорим, что дискуссия наступит, то это чисто условное понятие, то это простое напоминание о том, что пленум ЦК постановил открыть дискуссию за месяц до XV партийного съезда. Фактически партийные споры с 1923 г. ни на минуту не прекращались, и «славная деятельность» оппозиции за все это время достаточно накопила фактов и цифр, чтобы по «горячим следам» молодежь могла составить ясную картину различий между большинством партии, защищающим основы ленинизма, и маленькой кучкой оппозиционеров, стремящихся подменить ленинское учение троцкизмом новейшей формации.

Молодежь уже давно научилась различать разницу и давно решила вопрос отнюдь не в пользу оппозиции. Мы уверены, что нынешняя дискуссия мало что изменит в нынешней расстановке сил. Надеяться на легкие победы среди молодежи оппозиция не должна.

Но, несмотря на это, весь комсомол должен быть готов к этой дискуссии. И не только потому, что в процессе ее перед нами встанут новые, еще нерешенные, еще не проработанные молодежью вопросы, но и потому, что мы должны будем сплотить под знаменами ленинизма в этой решительной схватке с троцкизмом всю решительную и активную часть молодежи. Отсюда наша задача вновь и вновь с удвоенной энергией взяться за проработку всех основных спорных вопросов, используя сегодняшний момент для подлинного ленинского воспитания масс молодежи.

«Основной задачей здесь является не разбольшевичивание большевистской партии, как того хочет тов. Троцкий, а (через дискуссии, разъяснения, проверку на политическом опыте и т. д.) «обольшевичивание» тех молодых партийных резервов, которые пробуждаются к активной партийной, политической жизни» (Н. Бухарин).

В этой статье мы не ставим себе задачи разобрать и разрешить все принципиальные вопросы, которые подняты в нынешних спорах. Этому будет еще свое место и свое время. Наша задача показать, кого непосредственно воспитывает своей фракционной деятельностью и своей туманной идеологией нынешняя оппозиция.

Иваны непопнящие

Отвлекаясь от постановки принципиальных вопросов, попробуем по некоторым фактам показать истинное лицо оппозиции, являющей живой пример того, чем не должен быть ленинец-большевик, пример того, чему не должен подражать комсомолец.

Беспринципность — начнем хотя бы с этого.

Что может быть хуже человека, сегодня говорящего одно, а завтра поступающего как раз наоборот, человека, который в угоду групповым интересам изменяет тем принципам и взглядам, которые он исповедывал только вчера? Что можно также сказать про большевика, который дает обещания своей партии с тем, чтобы завтра их нарушить?

Ответы на эти вопросы подсказать нетрудно.

Беспринципные, не умеющие отстаивать свои взгляды люди, жертвующие своими взглядами для фракционных, групповых интересов, перестают быть большевиками, ибо большевизм вырос и окреп, как самостоятельное течение, в ожесточенной принципиаль-

ной борьбе против всякого рода мелкобуржуазных уклонов, колебаний и шатаний в среде рабочего класса.

Почти в течение четверти века Ленин вышестовывал в этой ожесточенной борьбе против оппортунистов большевистские принципы и большевистскую партию, воспитывая на этой борьбе кадры будущих профессионалов-революционеров. Но вот пришли люди, которые не без основания называли себя учениками Ленина, люди, которые были известны в партии своей борьбой против антиленинских уклонов, и, забывая все свое историческое прошлое, стали безоговорочно на позицию того самого троцкизма, против которого они боролись так яростно и так ожесточенно, совсем еще недавно:

«Мы готовы идти на какие угодно уступки, но есть такие вопросы, такие проблемы, в которых мы никому решительно в мире ни на какие уступки идти не можем и не пойдем».

«Мы двадцать раз готовы предать забвению прошлое, но вопросы, касающиеся основ большевизма, мы предать забвению не можем».

(Из заключительного слова тов. Зиновьева на XIII съезде РКП).

Но,—уверяют нас, несмотря на это, тт. Каменев и Зиновьев,—троцкизм сейчас совсем не тот, чем он был до сей поры. Сам тов. Троцкий на одном из заседаний ЦКК в июне 27 г. гордо заявил:

«Я... по многим важнейшим вопросам боролся против Ленина и большевистской партии, но *меньшевиком* я не был. Если понимать меньшевизм, как политическую классовую линию—а только так и надо его понимать,—то меньшевиком я не был с середины 1904 г. Никогда я в вопросе о роли классов в революции не сходил с меньшевизмом».

Так говорит сам Троцкий. А вот что пишет Ленин о том же, т. е. об оценке классов тов. Троцким:

«Выяснить соотношение классов в предстоящей революции—главная задача революционной партии. От этой задачи уклоняется организационный комитет (меньшевиков), который в России остается верным союзником «Нашего Дела» и за границей бросает ничего незначущие «левые» фразы. Эту задачу неправильно решает в «Нашем Слове» Троцкий, повторяющий свою оригинальную теорию 1905 г. и не желающий подумать о том, в силу каких причин жизнь шла целых десять лет мимо этой «прекрасной теории».

«Оригинальная теория Троцкого берет у большевиков призыв к решительной революционной борьбе пролетариата и к завоеванию им политической власти, а у меньшевиков — отрицание роли крестьянства. Троцкий на деле помогает либеральным рабочим политикам России, которые под «отрицанием» роли крестьянства понимают нежелание поднимать крестьян на революцию».

(Том XIII, стр. 213).

Заметьте, что это писано Владимиром Ильичом Лениным в 1915 году, припомните нынешнее утверждение Троцкого, что партия, ведя политику сгички пролетариата с крестьянством, ведет политику «самоограничения пролетариата», вспомните мрачное предсказание Троцкого о том, что пролетариат, придя к власти, неизбежно столкнется с крестьянством, как с враждебной силой,—и вам вполне понятно станет, что троцкизм последних годов остался тем же, чем он и был, т. е., по меткому выражению самого же тов. Зиновьева, «разновидностью меньшевизма».

Такая оценка крестьянства, одного из основных классов, действующих в революции, классовая оценка, которую дает Троцкий, ничем не отличается от меньшевизма.

Тов. Каменев и Зиновьев и их вольные и невольные сторонники целиком здесь стали под знамена троцкизма.

Два новообращенных троцкиста становятся здесь целиком в позу «Ивана, не помнящего родства», о которых так презрительно отзывался Владимир Ильич и специально для которых Владимир Ильич писал о пользе изучения большевистской истории.

«Только история большевизма за весь период его существования может удовлетворительно объяснить, почему он мог выработать и удержать при самых трудных условиях железную дисциплину, необходимую для победы пролетариата» (Том XVII, стр. 118).

Троцкому неудобно заглядывать в историю большевизма, ибо он может в ней найти подтверждение того, что троцкизм, с которым всю свою жизнь боролся Владимир Ильич, расходился с ленинизмом не только по этому коренному вопросу о крестьянстве, но и по целому ряду других коренных вопросов. Тов. Каменеву и Зиновьеву, о которых молодежь знала, как о ближайших участниках борьбы ленинцев против троцкистов, мы не советуем сейчас соваться к молодежи с проповедями о перерождении троцкизма, о приближении его к ленинизму. Молодежь не «Иваны, не помнящие родства», они никому не отдадут с такой легкостью, как это сделали т. т. Каменев и Зиновьев, принципы ленинизма в угоду троцкизму.

Беспринципность оппозиции ярко сказывается также и в двукратном нарушении ею же самой данной декларации о превращении фракционной борьбы, о прекращении клеветнических выпадов против партии, о прекращении нелепых обвинений партии в перерождении, в термидорианстве и т. п.

Две даты: 16 октября 1926 года и 8 августа 1927 г. — войдут в историю оппозиции, как даты величайшего ее позора, как свидетельство того, что оппозиция не хочет мира с партией, что оппозиция обманывает партию, давая обещание о прекращении фракционной борьбы.

Такие последние события в истории нашей партии, как организация оппозицией подпольной типографии, продолжающееся распространение секретных документов, собиранье подписей, обвинение высших руководящих органов партии в узурпаторстве и т. д. и т. п., целиком подтверждают, что все свои декларации о примирении оппозиция никогда не принимала всерьез. То, что заявление (от 8-го августа) являлось маневром со стороны оппозиции, об этом трубили за последнее время ультра-левые предатели за границей, находящиеся в тесном, и идейном, и организационном, родстве с нашей оппозицией, об этом же открыто говорили большие и малые оппозиционные деятели при собирании подписей под платформой «83».

«Страсти-мордасти» оппозиции

Лицемерие, беспринципность и забвение всей прежней истории большевизма—вот чему учит оппозиция молодежь. Но все эти «прекрасные» вещи тесно увязываются с излюбленным методом оппозиции—*демагогией*.

Можно с полной уверенностью сказать, что в арсенале оппозиции демагогия составляет наиболее излюбленный и почетный род оружия. Еще в заявлении «46» в 1923 г. демагогия широкой рекой полилась со страниц этого документа. Вот что писала тогда группа троцкистов:

«Чрезвычайная серьезность положения заставляет нас (в интересах нашей партии, в интересах рабочего класса) сказать вам открыто, что продолжение политики большинства Политбюро грозит тяжкими бедами для всей партии. Начавшийся с конца июля этого года финансовый и хозяйственный кризис, со всеми вытекающими из него политическими, в том числе внутрипартийными последствиями, безжалостно вскрыл неудовлетворительность руководства партии как в области хозяйства, так и особенно в области внутрипартийных отношений».

«...Если не будут немедленно приняты широкие, продуманные, планомерные и энергичные меры, если нынешнее отсутствие руководства будет продолжаться, мы встанем перед возможностью необычайно острого хозяйственного потрясения, неизбежно связанного с внутренними политическими осложнениями и полным параличом нашей внешней активности и дееспособности. А последняя, как всякому понятно, нужна нам теперь больше, чем когда-либо, от нее зависят судьбы мировой революции и рабочего класса всех стран».

Как известно, все эти мрачные предсказания не сбылись. Но оппозицию, не желающую отказаться от своего излюбленного оружия, это мало смущает. В своих бесконечных и бесчисленных платформах, чуть ли не ежедневно подаваемых в Политбюро и распространяемых по ячейкам, оппозиция на тысячу ладов перепевает старую, всем надоевшую, песню, о том, что ЦК ведет страну к гибели, что мы делаем экономические и политические уступки кулаку, что у нас начинается и уже начался термидор, что наша промышленность и транспорт отстают в своем росте от всего народного хозяйства и т. п. Все эти страшные слова, в которых нетрудно увидеть образы 1923 года, обобщаются в еще одном крылатом словечке Троцкого: «политические сумерки». Трудно вообще перечислить всех собак, которых оппозиция рада навесить на шею большинству партии. Во всяком случае, в выборе ругательных словечек она не стесняется.

Для нас, которые работают не покладая рук, нынешняя полоса успехов в утверждении социализма является самой радостной страничкой в жизни партии и пролетарского государства. Для оппозиции, играющей на трудностях, — это «политические сумерки».

У оппозиции нашлись свои подголоски из среды молодежи, которые развивают такую же демагогию, как и сами учителя.

Исходя из установок, что «отступление нашей экономики» уже началось, они кричат о том, что комсомол не является теперь выразителем интересов рабочей молодежи, что он предает ее экономические интересы, что комсомол пошел на снижение процента брони, на уменьшение зарплат молодежи, на введение бесплатного ученичества и т. д. Не вдаваясь в споры по существу по всем этим вопросам, разобранным на страницах наших центральных органов, отметим только, что с этой платформой комсомольская оппозиция пыталась и еще будет пытаться выступать на собраниях

молодежи. В Москве на тысячном собрании актива комсомола в этом году оппозиции даже не дали дочитать свою резолюцию, так достойно отвечает молодежь на все демагогические выпады оппозиции.

Действуя демагогией, прямой клеветой, искажением действительности, оппозиция отвлекает молодежь от настоящих трудностей, которые встали сейчас перед нами в нашей экономической работе. В то время, когда вся партия и комсомол упорно день за днем работают над разрешением вопросов рационализации производства, над разрешением вопросов о безработице, о зарплате, об образовании молодежи, о проведении брони подростков в соответствии с потребностью промышленности, — оппозиция объявляет, что все эти трудности есть результат того, что мы по злой воле не хотим и не можем защищать интересов рабочего класса, что мы перерождаемся, что стоит только пустить их, оппозицию, к рулю правления, и пролетариат сразу получит «кисельные реки и молочные берега» в царстве оппозиции. Извращая факты, замазывая их, односторонне освещая только то, что ей выгодно, оппозиция играет на групповых и шкурных интересах пролетариата, предавая его общеклассовые, общегосударственные, конечные интересы.

За последнее время начался большой отход от оппозиции ее сторонников, и тут выяснилось, что собирание подписей и вербовка сторонников часто производилась по такому методу: приходит на ячейку один какой-либо «деятель оппозиции», говорит, что ЦК, мол, хочет исключить тов. Троцкого и Зиновьева и что надо собрать подписи за их оставление. Некоторые, попавшие на эту удочку, давали свои подписи, не читая того, что подписывали, а потом на проверку выходило, что подписали они явно фракционный документ из числа какой-либо очередной декларации оппозиции.

«Под влиянием и благодаря непосредственной обработке тт. Зверева и Сафьянова, постепенно отходя от партии, мы подписали заявление «83» и новую платформу оппозиции. *Последнюю платформу подписали, не читая, поверя на-слово тов. Звереву.*

Порывая идейную и организационную связь с оппозицией, мы призываем и других товарищей, разделяющих и сочувствующих оппозиции, порвать с ней всякую связь и влиться в единые ряды ленинской партии.

Член ВКП(б) ячейки Главхозсклада *М. А. Бастрыгин*, член партии с 1924 г. *К. М. Марченко*, член партии с 1919 г..

(«Правда» № 226, от 4/X—27 г.).

Идейная борьба с помощью таких гнилых идей, которые значатся в багаже оппозиции, почти невозможна. Остается одно: обман, демагогия, извращение фактов, открытая подпольная раскольническая работа.

Где главная опасность

Оппозиция устами тов. Троцкого недавно объявила, что «опаснейшей из опасностей является партийный режим».

Это острое крылатое словечко Троцкого было встречено в стане наших врагов ликованием и спрavedливым возмущением в рядах пролетариата и ленинской партии.

Не надо думать, что партийный режим стал неприятен для тов. Троцкого только в последнее время. Он всю свою жизнь вел борьбу с тем партийным режимом, который был установлен в партии Лениным и который партия не позволяла никому и никогда распатывать. Чтобы не было никаких сомнений, против какого режима восстаёт тов. Троцкий, приведем выдержки из известного уже нам заявления 46 троцкистов от октября 1923 года.

«Режим, установившийся внутри партии, совершенно нестерпим. Он убивает самостоятельность партии, подменяя партию подобразным чиновничьим аппаратом, который действует без отказа в нормальное время, но который неизбежно дает осечки в моменты кризисов и который грозит оказаться совершенно несостоятельным перед лицом надвигающихся серьезных событий. Созданное положение объясняется тем, что объективно сложившийся после X съезда режим фракционной диктатуры внутри партии пережил сам себя».

В своем письме членам ЦК и ЦКК в октябре того же года сам тов. Троцкий заявляет лишь в более осторожной форме то же самое:

«Тот режим, который в основном сложился уже до XII съезда, а после него получил окончательное закрепление и оформление, гораздо дальше от рабочей демократии, чем режим самых жестких периодов военного коммунизма».

«Увы—как говорится — сомнений нет». Троцкий и его оппозиция борется против режима, который был установлен еще при жизни Ленина самим Лениным. Разгромив на X съезде партии в 1921 году троцкистскую оппозицию по вопросу о профсоюзах, съезд в своей резолюции категорически запретил образование фракции внутри партии.

Отмены этого постановления и добивается все время тов. Троцкий, а с ним вместе тов. Каменев и Зиновьев.

Было время, когда оба они понимали, что свобода фракций и группировок будет использована «третьей силой», т. е. антисоветскими элементами, жаждущими ослабления железной диктатуры пролетариата и гибели пролетарского государства.

Какую злую шутку сыграла жизнь с ними!

Последние события целиком подтвердили их опасения за возможное выступление «третьей силы»: показания исключенных из партии за организацию подпольной типографии и показания некоторых беспартийных, привлеченных по этому делу, обрисовывают картину сличения вокруг оппозиции группы буржуазно-демократических элементов.

Таковы факты, такова убийственная логика фракционной борьбы.

Партия хочет, чтобы оппозиция увидела еще раз, к чему она пришла, когда дает ей возможность, отказавшись от своей фракционной работы, остаться в партии. Молодежь должна на этих примерах понять, куда приводит бесшабашная фракционная работа. Но, уверяют сейчас оппозиционеры, не мы являемся фракцией, мы принуждены, мол, только защищаться против фракции Сталина, против «узурпаторства» в партии.

Модные словечки о фракции большинства и об «узурпаторстве» только переделка старых слов об «осадном» положении в партии, которые так любили расточать меньшевики по адресу Ленина,

когда они находились еще в одной партии с большевиками. Вот что писал тогда Ленин по этому поводу:

«Меня несколько не пугали страшные слова об осадном положении в партии, об «исключительных законах против отдельных лиц и групп» и т. п. По отношению к неустойчивым и шатким элементам мы не только можем, мы обязаны создавать «осадное положение», и весь наш устав партии, весь наш утвержденный отныне съездом централизм есть не что иное, как «осадное положение» для столь многочисленных источников политической расплывчатости» (Том IV, стр. 33).

Тов. Зиновьев тоже умел когда-то различать, что такое большинство и что такое меньшинство партии, и в каких случаях меньшинство должно подчиниться большинству партии.

«Когда т. т. Преображенский и Сапронов бросают обвинения нам, представителям большинства ЦК, будто и мы являемся фракцией, то это просто смешно. Нынешнее большинство ЦК, как всем известно, имело на XII съезде партии 99% за собой. Какая же это фракция? Не играйте словами! Конечно, 99% партии требуют, чтобы один процент подчинился большинству. Это не есть фракционность, это есть элементарное требование партийной дисциплины».

(Из речи тов. Зиновьева на собр. ленинградского партактива 15 декабря 1923 года).

Опять же это не мешает тов. Зиновьеву в бесчисленных речах, в бесчисленных декларациях возмущаться тем, что ЦК и ЦКК «расправляются» с оппозицией, когда она не подчиняется воле большинства партии. Какой яркий пример «политической расплывчатости» и политического банкротства дает молодежи оппозиция!

Таковы в кратких чертах слова и дела оппозиции.

Таковы примеры, которые показывает молодежи оппозиция, называющая еще себя последователями Ленина.

Не ясно ли теперь, что оппозиция сама пришла и хочет привести других, кто за ней пойдет, к отрицанию партийной дисциплины, к забвению всей прошлой истории большевизма, клевете на партию и государство, к открытой блокаде и защите явно контрреволюционных элементов нашей страны.

Не ясно ли теперь, что оппозиция воспитывает в своих рядах методы и приемы демагогии, подмены идейной борьбы фракционной, подмены объективных трудностей, существующих в нашей работе, криками о нигуда негодном руководстве, о нежелании защищать насущные интересы рабочего класса и рабочей молодежи и т. п.

На все зазывания оппозиции, на все крики об узурпаторстве, о режиме в партии, на все заигрывания оппозиции с молодежью мы должны ответить ей словами Ленина:

«Мы идем темной кучкой по обрывистому и трудному пути, крепко взявшись за руки. Мы окружены со всех сторон врагами, и нам приходится почти всегда идти под их огнем. Мы соединились по свободно принятому решению, именно для того, чтобы бороться с врагами и не отступаться в соседнее болото, обитатели которого с самого начала порицали нас за то, что мы выделились в особую группу и выбрали путь борьбы, а не путь примирения. И вот некоторые из нас принимают кричать: пойдете в это болото! — А когда их начинают стыдить, они возражают: какие вы отсталые

люди! И как вам не совестно отрицать за нами свободу звать вас на лучшую дорогу! О, да, господа, вы свободны не только звать, но и идти, куда вам угодно, хотя бы в болото; мы находим даже, что ваше настоящее место именно в болоте, и мы готовы оказать вам посильное содействие к вашему переселению туда. Но только оставьте тогда наши руки, не хватайтесь за нас и не пачкайте великого слова «свобода», потому, что мы ведь тоже «свободны» идти, куда мы хотим, свободны бороться не только с болотом, но и с теми, кто поворачивает к болоту!» (Том V, стр. 123).

О панике „храбрецов“

(Или о том, как тов. Бергман начал повторять меньшевистские зады)

В семнадцатом номере «Юного Коммуниста» была помещена статья тов. Г. Бергмана, взявшего на себя задачу задним числом популяризовать сравнительно уже застарелые и затасканные, меньшевистские утверждения тов. Е. Преображенского о «кризисе культуры» в нашей стране, о несоответствии между человеческим материалом и современными общественными и производственными отношениями, о «пожницах» (!) в этой сфере.

Разумеется, мы отнюдь не возражаем, если тов. Бергман или другой поклонник Преображенского или Троцкого шагает по их дорожке, но мы оставляем за собой право воспрепятствовать им тащить за собой молодежь на этот же сравнительно протоптанный и умятый путь, ибо это путь Отто Бауэра и Суханова, ибо это путь, ведущий к стопроцентному меньшевизму.

Да и как же иначе, как не меньшевистскими, назвать развиваемые тов. Бергманом взгляды? Здесь вам и цитаты из «теоретика ленинизма» Преображенского о том, что капитализм оставил нам в наследство старый, воспитанный на частнособственнических отношениях, на стимулах личной заинтересованности человеческий материал, что мы должны строить новое общество силами старых людей, и что *«буржуазное влияние на нас пробивается с такой стороны, где мы его, собственно говоря, не ожидали»*. Последнюю фразу тов. Бергман цитирует, подчеркивая ее курсивом, как главную его, Бергмана, идею. Никто не ожидал опасности с этой стороны, и вот тов. Преображенский ее «открыл», а тов. Бергман даже курсивчиком обвел — разве это немного, разве одно уже это не заслуживает похвалы?

Разумеется, заслуживало бы, если бы было высказано впервые вышеназванными товарищами и если бы в самом деле оно стало нас врасплох («не ожидали!»).

Но не так обстоит дело в самом деле и не им пожинать лавры благодарности за сие мудрое предвидение (тем более, что задним числом все умны).

Тов. Преображенский и Бергман «не ожидали», а Маркс, например, предвидел это еще за несколько десятков лет до возникновения первого социалистического государства и предупреждал, что революция встанет неминуемо перед фактом саботажа людей старого мира (пролетариат он из этого числа совершенно правильно исключал, не в пример, как мы это дальше увидим, теперешним «теоретикам»), и что она, революция, должна будет воспитывать новых людей из числа пролетариев, способных управлять хозяйством, учетом и распределением.

Особенно же много дал в этом отношении Ленин. Он постоянно, на каждом шагу твердил это свое предостережение, и именно отсюда вытекают ленинские положения, что мы должны переделывать, перевоспитывать людей, что мы (компартия, пролетариат) должны переваривать их в котле революции.

Так что претензия оппозиции и это выдавать за «новоявленное откровение» просто смешна. Но она является тем более смешной, когда оппозиция становится в позу и устами Преображенского и... Бергмана вещает, что «мы имеем здесь явный кризис». При чем, у них в этом деле существует своеобразное разделение труда: тов. Преображенский «вещает», а тов. Бергман перекладывает это на язык конкретности и фактов, разумеется, подтасовывая эти последние всяческими способами.

Но остановимся пока на тех положениях тов. Преображенского, для «иллюстрации» коих тов. Бергман поднадергал отовсюду «убийственных» фактов (о этих последних речь будет ниже).

«Период гражданской войны закончился благополучно для Советской республики, начинается период строительства. Перед нами встает тогда следующий вопрос: из какого материала строить, на основании каких принципов строить, и с какими элементами, накопленными в предыдущий период в борьбе с капитализмом или самим капитализмом, мы можем строить социалистическую культуру. И вот то, что мы теперь наблюдаем в сфере нашего быта и культуры, я иначе не могу назвать, как кризисом приспособления человеческого материала к новым производственным отношениям. Чего нам прежде всего нехватает? Нам прежде всего нехватает достаточной материальной базы для более быстрого культурного движения вперед. А с другой стороны, нам нехватает человеческого материала, который был бы адекватен социалистической культуре нашей промышленности...»

«И здесь мы, товарищи, имеем кризис, «кризис недопроизводства» социалистической культуры. Это приспособление человеческого материала к нашим новым отношениям чрезвычайно отстает, запаздывает. Оправдывается старое положение марксизма относительно того, что психология человеческая является фактором тормосящим, экономика является фактором ведущим».

Какой смысл в этом утверждении тов. Преображенского и минутно повторяющего его Бергмана, как не стремление подчеркнуть (тенденциозно подчеркнуть), что нам нехватает человеческого материала, который был бы *адекватен* социалистической структуре нашей промышленности, т.-е. который соответствовал бы ей.

Но ведь как раз об этом-то и твердили и твердят меньшевики всех толков, когда заявляют, что мы не можем строить социализм. Разве не это же самое говорит тов. Преображенский—лидер «новой оппозиции», утверждавший, что мы социализм не строим и что мы перерождаемся. Разве не подобные же фразы о том, что мы не созрели для власти, произносились тов. Каменевым на III конференции? Разве не этим же меньшевистским утверждениям тов. Ленин неоднократно давал решительный отпор.

«Наши противники, — писал тов. Ленин, — не раз говорили, что мы предпринимаем безрассудное дело — посаджение социализма в недостаточно культурной стране. Но они ошиблись в том, что мы начали не с того конца, как полагалось по теории (всяких педантов), и что у нас политический и социальный переворот ока-

зался предшественником тому культурному перевороту, той культурной революции, перед лицом которой мы все-таки встали. Для нас достаточно этой культурной революции, для того чтобы оказаться вполне социалистической страной...».

— Вот, вот, — восклицает Бергман вкупе со своим предшественником — тов. Преображенским, — мы как раз и хотим сказать, что нужна культурная революция и что ее-то как раз и нехватает, что вследствие этого у нас сказываются «ножницы», сказывается несоответствие между «делами и людьми».

— Посмотрите, — патетически восклицает тов. Бергман, — разве это не доказательство наличия кризиса, «ножниц» и т. п., если трестовик настойчиво повышает цены, тогда как насущные интересы пролетариата и всей страны говорят за необходимость их снижения? ¹

— И напрасно пытаются. — продолжает вслед за Преображенским тов. Бергман, — иные ретивые «государственные мужи» малых и больших калибров изобразить дело так, будто это явление — не массовое, не распространенное, будто тут дело в единичных искажениях... Целые тресты, целые группы трестов занимаются этим «делом».

Это верно, конечно, что у нас довольно много людей, мешающих делу снижения цен. Но делать на этом основании вывод о культурных «ножницах» и о торможении культурной революции в нашей стране, по меньшей мере, неудобно. Ведь для того, чтобы сделать это утверждение, тов. Бергману нужно было забыть... массу рабочих и крестьян (о которых, кстати, он наговорил довольно много слов), забыть, что *они являются главным мерилом* этого роста культуры на новой социалистической базе.

Не отдельные бюрократы и ограниченные «хозяйственники», — хотя их и много, хотя они и здорово мешают делу строительства социализма, — решают дело культурной революции и не по ним надо равняться. Только человек по-аппаратному мыслящий и в «аппарате» видящий корень зла, только он может утверждать, что аппарат нашей государственной власти из-за личной заинтересованности работающих в нем, а значит и руководящих им, тормозит дело снижения цен. Что в нашем государственном аппарате находится изрядное количество всякой дряни — в этом никто не сомневается. Есть, и ее надо изгонять из госаппарата. Но что руководители аппарата («любого!», — как заявляет тов. Бергман) оказывают отпор всему новому — это по меньшей мере клевета, ибо автор валит в кучу все пролетарские руководящие кадры, какие были выдвинуты пролетариатом и нашей партией на эту работу, в одну кучу со всем тем сбродом, какой у нас кое-где еще, и часто в значительной мере, посиживает. Подобное аппаратное утверждение тов. Бергмана есть не что иное, как троцкистская фраза об аппаратчиках вообще (о «любом!», в том числе и партийном аппарате).

А фактически-то разве можно сказать, что мы не двигаемся вперед, что массы не захвачены водоворотом новой культурной революции, что они находятся в состоянии застоя и не влияют на хозяйственную и культурную жизнь страны, что они, переделывая жизнь, не переделывают и самих себя?

¹ К слову сказать, тов. Бергман скромно умалчивает об экономической теории тов. Преображенского, суть которой как раз и заключалась в курсе на повышение цен. Ограниченность трестовика здесь принимает масштабы политической ограниченности.

О чем, как не о росте культурности и активности масс говорить факты? Разве не подтверждают этого роста сотни тысяч учащихся в наших высших и партийных школах; миллионы детей втянуты в детское коммунистическое движение; миллионы молодых рабочих и крестьян, активно участвующих в культурном строительстве,—разве не достижением новой культуры является комсомол: разве не миллионы людей втянуты в управление страной, хозяйством и строительством; разве не миллионы женщин втянуты в культурную революцию — разве не они срывают с себя чадру, узы женской обреченности и гнет горшков; разве не образец коллективизма (а не личной, основанной на шкурности, заинтересованности) показывают сотни тысяч рабкоров, селькоров, юнкоров и т. п., которые жизнью часто жертвуют в интересах общей фабрики, завода; а миллионные тиражи нашей прессы; а миллионные массы, состоящие в различного рода обществах и т. п., — разве все это не говорит о росте культурности, разве это не говорит о росте новой культуры?

Медленно—да. Слабы еще—да. Но ведь двигаемся и с каждым годом все быстрее!

Почему же медленней, чем хотелось бы? Тов. Бергман утверждает — потому что «жмет аппарат», что у большинства нет революционной смелости, что когда дело доходит до необходимости разоблачить какого-либо бюрократа на месте, покончить с каким-либо пережитком старой культуры, тут, мол, делу конец — смелость ушла в пятки; наконец, что у нас есть стремление повсюду обделывать дела без шума.

Но разве можно, опять-таки на том лишь основании, что тов. Бергман обнаружил... у себя качества «революционера смелого», утверждать, что все остальные (рабочие, комсомольцы и т. п.), кто борется с пережитками старой культуры, бюрократизмом, чиновничеством, суть не смелые революционеры.

Разве не образец интеллигентской изобретательности проявляет тов. Бергман, когда он пытается выдать из себя рецепт от всех напастей, в том числе и от якобы отсутствия у большинства (а о них, массах, лишь и стоит говорить) революционной смелости. Он, видите ли, нашел выход — организовать добровольные группы по изучению аппарата, — уж они-то спасут, у них-то хватит смелости!..

Ведь они, — заявляет тов. Бергман, — пошли бы на это дело добровольно. Действительно, что за интерес, если все рабочие и вся рабочая молодежь на каком-то там производственном совещании обсуждает недостатки и болезни своего предприятия, ведь они делают дело, их непосредственно не интересующее, как утверждает тов. Бергман, да притом и не по доброй воле. Палками, видите ли, загоняют рабочих на наши производственные совещания.¹

Мы обходим молчанием это последнее утверждение Бергмана — оно не требует даже опровержения. Несомненно, что только интерес, только любовь рабочего к своему, пролетарскому, государству и пролетарскому делу побуждают его активно работать и бо-

¹ Речь у тов. Бергмана идет не о том, что наши производственные собрания скучны, а о стимулах, толкающих этих рабочих на эти производственные собрания, о их личной или, если можно так выразиться, классовой заинтересованности.

ротья. Тов. Бергман слишком низко и дешево ценит российский пролетариат.

Ну, разве не прожектерством, рассчитанным на дешевый эффект, является это новое изобретение тов. Бергмана! Разве это не интеллигентские стремления убеждать от пролетарской массы под сень «мужественных» и «смелых революционеров», носящих наименование групп по изучению аппарата. И разве этому «изобретательству» и убеганию от массы учил Ленин? Его постоянный завет — идти медленно, может быть медленнее, чем хочется нам, но *обязательно всей массой, вместе со всей массой, не отрываясь от нее, ведя ее за собой.*

Надо не противопоставлять революционную смелость одинок в борьбе за новую культуру — массам, как это делает в своей статье тов. Бергман, а помножать эту смелость на тяжелую артиллерию масс — вот единственная линия, действительно достойная внимания. Фразы же Бергманов о «революционной смелости», адресованные к оторвавшимся от масс одиночкам, с призывом воспитывать у масс эту смелость, являются, во-первых, ни на чем не обоснованным обвинением рабочих масс нашей страны в пкурничестве и трусости, ничем иным, как кавалерийским наскоком, рассчитанным на быстрый, но дешевый успех.

— Позвольте, — восклицает обрадованный Бергман, — а разве существующее положение вещей не способствует притуплению этой самой революционной смелости? Разве причисление к разряду «подозрительных» не притупляет ее? Разве не притупляет этой смелости «дубовая политграмма»? Де-мол, отсидел себе паучьей подобный урок скромности и благонравия — вот и получился из тебя порядочный мещанин и подлец.

По Бергману получается, что на этом преимущественно и воспитывается молодежь. У нас, видите ли, только на политграмме и воспитываются люди. Ничего другого, — только и делают, что «прорабатывают». Как видно, туго пришлось всем оппозиционерам от этой самой проработки — нос воротят от нее.

Но в том-то и суть, что дело обстоит «немножечко» иначе. Близорукий тов. Бергман не знает, вернее скромно умалчивает о том, что не политграмма (и даже в том случае, если она «дубовая») является основой коммунистического воспитания молодежи, а работа и революционная борьба.

В производстве, в цеху, на заводе, в школе ФЗУ, в завкоме, в бесчисленном количестве общественных и пролетарских организаций воспитывается пролетарская молодежь. На борьбе за рационализацию, за реконструкцию нашей промышленности, за снижение цен, за культуру в труде и быту — вот на чем закаляется и воспитывается современная рабочая молодежь. Эта действительная школа, даже со всеми ее недостатками, вопреки голословным утверждениям тов. Бергмана, готовит людей новой культуры, а не подлецов и мещан. Нельзя рассматривать иначе, как плевок в лицо рабочей молодежи, подобные утверждения разных Бергманов.

Удивительная манера у тов. Бергмана — все наши недостатки рассматривать через увеличительное стекло и, наоборот, достижения и положительные стороны — через уменьшительное. Взять факт, размазать его на целую страницу, а затем подкрепить все это парой обобщающих строк — вот вам и готовы и ужас, и мракобесие, царящие в нашей стране. Привести примерчик о том,

как какой-то хам одергивал комсомольца-общественника за его стремление до всего докопаться, затем обобщить этот примерчик до масштабов всей партии и страны — вот вам и теория перерождения и понятного движения революционной культуры, теория, которую остается лишь снабдить ярлычком: «сделано оппозицией».

Итак, в нашей пролетарской стране воспитываются преимущественно подлещи, хамы и лизоблюды. Оно, конечно, «скромно», но на то он такой и «смелый революционер», этот тов. Бергман, чтобы утверждать подобные вещи. «Хотя,—заявляет Бергман,—не все одинаковые, есть и разница: одни с «идеологией» («революция кончилась — можно и отдохнуть»), другие же — просто шкурники. А хороших-то и не оказалось, — настоящих, смелых, революционных, не боящихся работы людей».

Но так ли это на самом деле? Верно ли, как это делает тов. Бергман, допускать столь нескромное преувеличение? Неверно, неправильно и вредно, ибо это нарушает действительную перспективу, искажает ее. От всей картины, нарисованной Бергманом, неискушенному человеку остается только впасть в тихий ужас и сказать: «Ой, какие мы некультурные, ой, как плохо, что мы не заранее родились строителями социализма и лишь потом не взялись строить этот самый социализм».

— Вот, вот, — это самое я и хотел сказать, — воскликнет из подворотни меньшевик: — надо вперед культурными стать, пройти школу меньшевистской постепенности, а потом уж и браться за дело.

Но в ответ на весь этот стон, писк, и визг слышится мерная, медленная, но верная поступь пролетарских масс и молодежи. Миллионные массы, строящие новую социалистическую культуру и новый быт, не взирая на возгласы всяких Бергманов, со стороны кричащих — «Сначала очиститесь, а потом идите», — не взирая на эти возгласы, революционные массы крушат и ломают старую культуру, воздвигая на ее обломках здание новой.

Просьбы и жалобы

(О связи городских комсомольцев с деревенскими)

В воззвании ЦК ВЛКСМ ко всей трудящейся молодежи по поводу последних политических событий говорится:

«Комсомольцы! Крепите связь с трудящейся молодежью города и деревни. Помните, что *война испробует крепость этой связи железом и кровью*».

Наша задача—только дать материал по этому вопросу, причем исключительно с его деревенского конца, т. е. материал, исходящий из деревни. Из этого вытекает вторая задача—заострить и поставить забытый, с 24, кажется, года не выходящий за пределы протоколов шефских обществ, вопрос о связи городской молодежи с деревенской.

Источник нашего материала — крестьянские письма, присланные в редакцию «Журнала Крестьянской Молодежи», как отклики на обсуждение вопроса «Кому лучше живется, рабочей молодежи или крестьянской?». В журнале вопрос был поставлен в довольно острой форме. Был дан ответ рабочей молодежи на запросы крестьянской, деревенские отклики и еще рабочий ответ. Большинство писавших обнаружили здоровый подход к вопросу. Много писалось о необходимости смычки, взаимной связи. Большая часть деревенских ребят нашла, что и в городской, и в крестьянской жизни есть свои хорошие и плохие стороны, а в общем живется одинаково. Некоторые, преимущественно сытые сибирячки, оказались вполне довольными деревенской жизнью и не ставили ее даже в сравнение с городской. Но часть откликнувшихся, наоборот, оскорбилась даже самой постановкой вопроса — как это можно говорить, что и в деревне не плохо? В этой статье нас интересует преимущественно последняя группа откликнувшихся.

Вопрос «кому лучше живется» послужил зацепкой, исходным пунктом, вокруг которого быстро развернулись прения об отношении деревни к городу. Даже признававшие, что живется в общем там и тут одинаково, следовательно, настроенные по отношению к городу нормально, высказывали довольно резкие суждения по вопросу связи, шефства и т. д. И если с принципиальной стороны мы имели ряд хороших слов о том, что рабочие помогают, что город идет навстречу и т. д., то фактических примеров подобного рода связи почти никто не привел. Зато противоположных примеров накопилось изрядно.

Связь живым словом

В деревенских письмах прежде всего бросается в глаза стремление деревенской молодежи к связи с городской, с рабочей, рост запросов и потребностей деревни в сторону связи с городом. Ребята

тянутся к городу, стремятся во что бы то ни стало получить живое, конкретное представление о своих городских товарищах.

Все неправильные взгляды, все непонимание взаимоотношений деревни с городом ребята объясняют отсутствием связи:

«Вся беда в том, что рабочая и крестьянская молодежь не связаны друг с другом, не знакомы с жизнью друг друга, потому и имеется такой отрицательный взгляд со стороны крестьянской молодежи на рабочую молодежь» (*М. И. Козлов*; село Коквицы, Усть-Вымского у., автономная область Коми).

«Почему городские ребята говорят, что деревенским живется легко, а деревенские наоборот? Да потому, что те и другие не видят, как они там в городе или в деревне живут» (*кустарь В. Кожнов*; с. Кирза, Спирина р-на, Каменского окр., Сиб. край).

«Рабочей молодежи надо почаще заглядывать в темные деревушки, только тогда молодежь поймет и усвоит, кому живется лучше, рабочей или крестьянской молодежи, только тогда деревенский поймет, как живется городской молодежи» (*Ср. Нефедьев*; Куртково).

Основной формой связи письма выдвигают переписку:

— Немножко внимания! Немножко живого слова! — просит молодая деревня.

«Рабочая и крестьянская молодежь к одному стремятся, одного добиваются, одни и те же выполняют заветы Ильича. А потому рабочей и крестьянской молодежи необходимо между собой связаться письменной перепиской, чтобы крестьянская молодежь могла знать, что делается в городе, на фабрике, заводе, какие имеются достижения в области производства, в народном образовании и т. д. и какие недостатки. Это все нужно знать крестьянской молодежи. Это и будет смычка рабоче-крестьянской молодежи» (*Добрынин, Г. С.*; с. Аткуль, Убинского р., Барабинского окр., Сибкрай).

«Нужно завязать живую связь города с деревней. Деревенские ребята отзываются плохо о городских в силу своего незнания быта и жизни рабочих. Необходимо это незнание устранить. Живая переписка городских и сельских ячеек комсомола поможет это сделать. В переписке нужно делиться своими радостями и горестями. Тогда лед деревенских сомнений растает.

Крепче смычку города с деревней! Больше шефских городских организаций над деревней!» (По поручению обесуждавших, *Анат. Аладьин*; дер. Окинино, Нижегородск. г., Лысковского у., В. Мурашкинск. вол.).

Такая переписка есть; завод и село связаны, но связаны слишком тонкими и незаметными по огромным масштабам нашей крестьянской страны нитями. Промышленный Ленинград, например, переписывается с деревней. Вот что пишет об этом ленинградская «Смена»:

«Перед нами целая куча подобных писем, где в самых задушевных тонах рассказывается городскому рабочему, как идет знакомая ему жизнь односельчан, родственников, знакомых и пр. Факт связи города с деревней посредством таких писем — весьма отрадное явление. Тут не просто имеется в виду отдельный товарищ Иванов, Петров, а имеется коммунистическая партия, комсомол, которым в городе, да еще в таком как Ленинград, оказывается большое доверие. Соответствующие ответы из города в деревню, разумеется, расцениваются не как индивидуальные ответы товарищей, а, по справедливости, как мнение всей партии и рабочего класса в целом.

Заводские письма не лежат в карманах, а их читают целыми группами. Знает же о них зачастую буквально вся деревня».

Из случайных родственным писем эта переписка должна вырасти в тесную, регулярную живую связь. Не разговоры о шефстве, а живое внимание к запросам деревенской молодежи, ее настроениям и сомнениям. Многие ли рабочие ячейки думают о таком внимании? Есть ли оно в плане работы юнсекций шефского общества?

Найдите шефа!

Чтобы дать ответ деревенским ребятам, редакция «ЖКМ» переслала их письма на обсуждение рабочих ячеек. На ячейке инструментального цеха АМО вечер поговорили по затронутым вопросам. Некоторые ребята написали индивидуально, сами от себя, письма в деревню. Это — все. Даже ответа на деревенские письма от имени ячейки не составили, на собрании обще-заводской ячейки не поставили вопроса. Кабельный цех МОГЭС'а раскатался немного больше. Но для обоих собраний характерны: новизна, неожиданность для ребят практической постановки вопроса о смычке, для ячейки — уверенное повторение общих фраз и почти полное отсутствие конкретных представлений об их осуществлении.

Вопрос о переписке тесно связан с вопросом о постоянной шефской связи. Мало одного случайного письмеца, мало одного настроения — нужно регулярное внимание, постоянная заботливость. Многие ребята так прямо и просят у нас шефа:

«Мы очень желаем держать связь с одним рабочим районом, с рабочей молодежью. Когда мы будем друг другу освещать жизнь города и деревни, ее лучшие и хорошие стороны, тогда мы действительно знаем условия жизни той и другой. Деревенские ребята ждут связи с городской молодежью!»

В частности, мы просим рабочую молодежь одного из районов взять шефство над нашей молодежью в лице комсомольской ячейки захолустного уголка области Коми. Надеемся, что редакция «Журнала Крестьянской Молодежи» найдет нам шефа — комсомольскую ячейку одного из рабочих районов.

Ждем шефа! Наш адрес: Жешартское п/о., село Жешарт, Устьвымского у., Автономная область Коми (Зырян).

Деревенские крестьянские партии, члены ВЛКСМ: *Ярасов, Б. и Римский, И. С.*

— Найдите шефа, дайте ячейку, с которой можно переписываться! Хотим получить весточку от рабочих ребят! Таких просьб у нас очень много. Шефов придется подыскивать через «Комсомольскую Правду», по объявлениям. Найдутся ли?

Для всех этих писем характерно признание необходимости пролетарского руководства, руководящей помощи пролетариата для переустройства деревни. Но руководство требуется конкретное, помощь — практическая, деловая. Тут и радио, и кино, и тракторы, и библиотеки, но самое главное — перестройка крестьянского хозяйства.

«Есть пословица: «один в поле не воин». Так и крестьянин. Нельзя отрицать факта, что смычка рабочих с крестьянами необходима. Крестьянину нужно облегчить труд. Ему на помощь идет рабочий со своей машиной. Так и в просвещении: деревне нужно давать хороших новых работников, труд их оплачивать как следует —

от этого зависит их активность. Все излишки, как средства для просвещения: учебники, литература, кино, музыкальные инструменты — все в деревню. *(А излишки есть). Нужно вовлечь рабочих чтобы они активно сами участвовали в строительстве новой деревни, помня—крестьянин есть его товарищ и брат! Не надо смотреть на него слугу рукава. Да здравствует союз города с деревней!!!*

(Сасовского уезда, Ряз. губ., Каргапинская ШКМ — Аркадий Шестаков).

Дальше мы столкнемся с более резкими требованиями уравнительного порядка: «у вас много, у нас мало». Будут прорываться и собезовские нотки — вы, мол, обязаны помочь нашей бедности! Но для разобранной тут группы писем характерна просьба о помощи в смысле делового сотрудничества, хозяйственно-политической смычки, настоящего союза рабочих и крестьян.

— Дайте дешевый товар, дайте трактор, кино и радио — звучит не как просьба о шефской присылке, а как просьба о продвижении пролетарским государством, социалистической промышленностью всего этого в деревню.

Что получает молодая деревня

Вот чего просит молодая деревня. Что же она получает?

Оговариваемся еще раз: все вопросы освещаются здесь только в узком кругу 300 деревенских писем-откликов. О рабочем шефстве над деревней есть прекрасный положительный материал. Отрицать достижения этого шефства мы не собираемся. Вопрос в том, что шефство недостаточно широко охватило не только крестьянскую, но и рабочую массу. Далеко не каждая городская комсомольская ячейка ставит и разрешает шефские вопросы. Очень немногие деревенские ячейки чувствуют над собой шефство. Наконец, кроме шефских, есть еще какие-то взаимоотношения, с которыми дела также плоховаты. Пусть докажут все это письма.

Первые жалобы — начали шефствовать, да все как-то на-нет сошло, шефства не чувствуется.

Не дает ничего крестьянам шефработа над деревнями! «Со всем шефов своих не видим, какие они у нас есть. Рабочие станции Пролетарской раньше делали доклады, граждане немного прислушивались, а теперь и верить не хотят: «Все они врут, да и только». Ведь сколько постановлений делали и ничего шефы не выполнили!»

(П. Харитонов, — Пролетарск. р., Сальский окр., С.-К. край).

«Над нашей Артемовской волостью шефствует бевская совпартшкола и фабрика б. Галф и Колодок. Какая от этого польза? Правда, кажется, в 1925 г. шефом была подарена на подшефную волость веялка. Веялка осталась как бы доказательством признательности рабочих, но про нее все уже забыли. Больше ничего мы от шефа не видали».

(Ал-др В.л. Князев, — х. Уварово, Тверской губ., Артемовской вол., п/о Осуга).

Шефы далеко. У них, может быть, нет денег на выезды. Мало ли что тут может быть! 300 наших писем о шефских делах больше не говорят. Опыт ограничен. Зато вот интересное письмо, ставящее вопрос о повседневной связи рабочих и крестьянских ячеек, о бытовых взаимоотношениях рабочего и деревенского комсомольца.

«У нас дело не совсем ладно (м. Старобино, Слуцкого окр., БССР). В нашем местечке есть три комсомольских ячейки. 2 из них

составлены из рабочей молодежи и частично совслужащих, одна ячейка исключительно из крестьянской молодежи местечка и окружающих деревень. *Несмотря на то, что ячейки находятся в одном местечке, у нас связи между крестьянскими ребятами и рабочими почти никакой нет.* На собраниях ячейки крестьянской никогда не увидишь рабочего парня и, наоборот, крестьянского парня на собраниях производственной ячейки. В обыденной жизни две части молодежи нигде, кроме некоторых в вечерней школе, не встречаются. А поэтому *у нас между рабочими парнями и крестьянами существует если не вражда, то совсем недружелюбные отношения.* Как работают и живут рабочие, крестьянская молодежь не знает, а рабочие тоже в свою очередь. Что же надо сделать, чтобы наладить связь и взаимоотношения?

Крестьянская ячейка должна интересоваться вопросами рабочей молодежи, ставить хотя бы на собраниях доклады об этом. А то у нас раньше так было при проработке съездов: «Что, доклад Томского о профсоюзах? Ну его! Это нас не касается, пусть его разбирают производственники!». *А у производственников то же самое с крестьянскими вопросами.* Во-вторых, хорошо было бы устраивать обследования, экскурсии одной ячейки в другую, в местные предприятия, как мельницы, лесопилка и т. д. Пора бросить замкнутость самих в себе, которая до сих пор так крепка еще среди комсомольцев, не говоря уже о беспартийных ребятах!» (Г. А. Велько).

О чуткости и о работниках для деревни

Они живут рядом — работают отдельно. Тут прорван фронт смычки! Таких прорывов, надемся, немного, но от этого они не менее опасны. Создано ли комсомольское общественное мнение, которое обязывало бы комсомольца-рабочего и комсомольца-крестьянина работать плечом к плечу не только на лозунгах и плакатах, но и в повседневной жизни? Неужели комсомолец-рабочий в крестьянской среде не чувствует, что он обязан постоянной руководящей помощью своим деревенским товарищам? Вот посмотрите на городского комсомольца в деревне:

«Смычка города с деревней проводится в жизнь зачастую со всевозможными вывихами. Приезжает городской комсомолец к подшефному, как ревизор: раскритикует в дым работу ячейки, поставит все вверх ногами, опрокинет столы и ударит обратно в город. Вот такая помощь городской молодежи для деревенской гибельна! Городским комсомольцам нужно чутко и внимательно изучать деревню» (Карагашинская ШКМ, Рязанской губ.).

«У нас часто парень едет в деревню выпить, за девками пострелять. Гаврилку наценил, брюки клец, папирску в зубы и задается: «Я в кино хожу, каждый день в Большом театре бываю». А сам — портянка портянкой!» (Слова рабочего парня при обсуждении писем на заводе АМО).

А вот деревенский комсомолец в городе:

«Я не являюсь соперником рабочей молодежи, но вот я скажу немного об отношении рабочей молодежи к нам: съедутся куда-нибудь на конференцию вместе, ты уж не такой активист — над тобой посмеются и лаптем назовут» (И. Зеленин, — дер. Горбуны, Пермского округа).

Каждая мелочь, каждая, на наш взгляд невинная, шутка уродливо отражается в чутком восприятии деревенского парня,

превращается в затаенную обиду. Ниже мы еще услышим много таких обид. А пока еще два вопроса конкретной связи города с деревней.

Первый — «пролетарское руководство поневоле». В доказательство того, что в городе лучше жить, парень приводит такой факт:

«Рабочему парню приходится выносить несколько раз порицания и выговоры, если он партиец или комсомолец, прежде чем послать его на деревенскую работу. Этот факт красноречиво говорит за себя. В 1926 году я учился в Клинцовской упартшколе. При выпуске, когда городского парня назначали на деревенскую работу, тот становился дьяком, в то время как деревенский парень с великим удовольствием принимал назначение на работу в городе» (И. Руденко; с. Нелюба, Светлановичск. р-на, Гомельск. окр.).

Деревенскую молодежь, бросающую хозяйство и уходящую в город, один селькор назвал дезертирами. Как назвать товарищей, о которых речь в этой выдержке? Что у нас делается для того, чтобы создать кадр подготовленных работников для деревни, которые любили бы свое деревенское дело, жили бы им? Где школы, вузы, которые специально для деревни, только для деревни таких работников выпускают? Уважаем ли мы комсомольца—сельского учителя, комсомольца—помощника участкового агронома, комсомольца-избача, комсомольца-вожкомщика, — основных проводников делового пролетарского руководства в деревне,—так, как уважали учителя-народника семидесятники?

Все это у нас есть пока в недостаточной мере. Неоднократно отмечаются и такие факты: парень, кончивший вуз в деревню не едет, не хочет ехать. Вот один из многих таких примеров:

«В нашем селе у бедной вдовы был сынок, по фамилии Политов. Окончив школу I ступени, он ушел в город Архангельск, где была его сестра. Сперва поступил на завод чернорабочим. Вступил в комсомол и выявил себя на общественной работе; рабочие его избирают членом бюро ячейки комсомола, кассиром кооператива «Красный Воин», секретарем ячейки, инструктором района по комсомольской работе и так далее. В мае 1926 года получили письмо из Москвы, что он окончил центральные курсы пионер-работников и будет детработником Архангельского губкома. Пусть себе так, может быть он теперь уже в Центральном Комитете. Дело в том, что он не держит с нами никакой связи, которая нам очень желательна. Мы сколько посылали писем — ответа нет. Конечно, он наверное уж в деревню не приедет, да и связи не держит со старыми товарищами. Так нельзя! Мы думаем, что редакция поместит наше письмо, и тов. Политов откликнется на это!» (Деревенские комсомольцы: Ерасов и Римский; с. Жешарт, авт. обл. Коми).

Сколько деревень ждут таких Политовых, ждут и не дождутся? Ведь использовать свою кровную связь с деревней — для Политова не серьезная общественная обязанность. У него есть работа. Во всех партийных и комсомольских анкетах стоит вопрос о связи с деревней. Давайте же использовать эту связь так, как используют, например, в Красной армии, где домой пишут письма о перевыборах советов! Многие ли комсомольцы написали такие письма в деревню, многие ли ячейки проверили, как и о чем такие письма написаны и написаны ли?

¹ Одна выдержка из их письма уже приводилась.

«Докажем, что мы не враги»

Вот основные вопросы, которые ставит деревенская молодежь перед рабочей, перед всем Ленинским Комсомолом в тех откликах, которые мы здесь исползуем. Судя по этим письмам, удовлетворяются деревенские запросы недостаточно. Чем отвечает на это деревня? Какие настроения растут среди деревенской части комсомола и крестьянской молодежи на почве отсутствия связи с городом? В каких формах выражается горькая обида, о которой мы выше говорили? Выдержки ответят и на этот вопрос.

Начать надо с самой маленькой жалобы—с требования внимательного и делового отношения:

«Рабочим надо поменьше кичиться перед деревней, а побольше работать с крестьянами. Только таких рабочих крестьяне приветливо встречают, кто их учит, а кто на них свысока смотрит, того они презирают» (дер. Турово, Н.-Ржевского у., Псковской губ., — *А. Петров*).

«Не нужно и рабочему чуждаться. Давайте, рабочая и крестьянская молодежь, постараемся понять друг друга и показать на деле, что мы не есть враги, а есть хорошие друзья и братья» (дер. Горбуны, Пермского окр., — *И. Зеленин*).

Характерна самая постановка вопроса — докажем, что мы не враги. «Если бы не было так грустно», можно было бы вспомнить анекдот о необходимости доказывать, что ты не верблюд! Такая же постановка вопроса встречается и дальше, в более редкой форме. Болезненное самолюбие ребят чувствительно ко всякой мелочи. Свободный и живой тон беседы рабочих ребят, которая была помещена, как ответ на крестьянские письма, некоторыми была истолкована, как ирония (большинство читателей эта беседа удовлетворила).

«Читала статью—«Поможем разобраться». Она меня затронула своей иронией, нехорошим зловещим смехом. Ничего разъяснительного, — авось, дескать, мы (рабочие) живем, а они (крестьяне) пусть существуют. Смешно, ребятки, смешно и горько! Не надо сеять вражду, нужен союз Ленинский, вспомните, что он говорил» (с. Евланово, Либенского уезда, Орловской губ., — *Крюкова*).

«Буквально нет никакой связи деревенской молодежи с рабочей. А это мы, деревенские ребята, определяем тем, что или рабочие боятся нам рассказать о своей жизни, или же рабочая молодежь не хочет знаться с нами. На самом деле, почему они нам не пишут?» (П/о Карлинское, Ульяновской г. и у., — пионер-комсомолец *Петр Буланов*).

Не пишут — значит обманывают, значит скрывают, замазывают глаза! Самая постановка вопроса—«кому лучше живется»—обижает некоторых ребят. Вы, мол, городские, себя оправдываете:

«Городская молодежь, вы себя будете оправдывать по такой легенде: один человек заболел и уснул, врач сказал: «Он умер, слуги, несите его хоронить». Слуги взяли и несут хоронить. Больной проснулся и кричит: «Куда вы меня несете? Я еще живой!». Они отвечают: «Молчи, доктор больше тебя понимает, раз сказал, что ты умер!» (дер. Лица, Уваровичского р-на, Гомельского окр., — *Юрков, П. М.*).

Здесь мы уже переходим к открыто враждебным письмам, раз дело доходит до таких сравнений. — Обманывают для того, чтобы еще хуже жилось, чтобы не смели разговаривать о лучшей жизни,—

вот ход рассуждений ребят. Тут о смычке, о союзе не может быть и речи!

Часто ребята, мало бывавшие в городе, приукрашивают городскую жизнь, расписывают ее самыми радужными красками. Раз во всех этих благах не признаются, раз их отрицают — значит, скрывают, значит — вражда!

«Квартиры у рабочих казенные, отопление, освещение тоже. Через каждые шесть месяцев получают отпуск две недели, жалование также идет. Крестьянская молодежь над этим разбирается и, сравнивая свою жизнь с жизнью рабочей молодежи, остается недовольной своей судьбой. Рабочая молодежь тоже все это понимает, никогда она не скажет, что в деревне лучше жить, а считает себя как-то выше, что она живет в городе, значит поразиет ее и больше знает. И говорить никто не станет с деревенщиной, как полагалось бы, по-братски, а смотрят на деревенских, как на барахло. Вот почему идет вражда между крестьянской и рабочей молодежью» (Ульяновской губ., Ардатовского у., Ждамировской вол., село Хмелевка, — Ефимов, Иван).

Прочитывая письма, в которых говорится, что рабочие катаются на автомобилях, все свободное время проводят в клубах, ресторанах и т. д., невольно согласишься с ребятами, которые основное зло приписывают неосведомленности, отсутствию живой связи. Ведь вот, от путаницы в представлениях — вы слышали? — вражда! В лучшем случае — недоверие, ненужные требования. Хотите помогать — помогайте на деле, не отрывайте нас от себя, иначе — не говорите о социализме!

«Вы люди поразвитей и поумней нас, передовые и ученые, знаете лучше нас, как притти к социализму — и то не дадите свою лепту из зарплаты для индустриализации страны нашей, чтоб скорей притти к социализму и не быть зависимыми. А ведь мы думаем, что можно не одну лепту оторвать у вас от зарплаты. Если бы вы жили наполовину только лучше нас, и тогда скорей бы пришло время, когда всем пришлось бы хорошо и скорей воссияло солнце коммунизма» (С. Н., — Никольское, Тульск. губ.).

Надо ответить на все эти вопросы

Можно закончить на этом выдержки, закончить можно и статью. Выдержки из 300 писем ставят много вопросов во всей их остроте. А если мы оглянемся на весь Советский Союз, на все его огромные пространства, к которым не прикладывали своих ушей селькоры?

Еще раз повторяем — многое делается в области шэфства. Об этом можно написать не меньшую статью. Но того, что делать, в частности того, что делать рабочей молодежи, нехватает, этого катастрофически мало, это — не работа всего союза, а его отдельных организаций. Давайте же этот опыт, как и всякий наш опыт, учить, обобщать и распространять на весь комсомол! До сих пор, если заглянуть в нашу печать, местную и центральную, мы не найдем там такого опыта.

Деревенская молодежь хочет связаться с рабочей. Эта связь мыслится в форме постоянной живой переписки, в форме регулярной шэфской связи, некоторой поддержки и помощи. Основная задача этой связи — установление единства городской и деревенской частей союза под пролетарским руководством. При вниматель-

ном и заботливом отношении рабочей молодежи, ее пролетарское влияние обеспечено.

На деревенскую молодежь очень плохо действует малейшее проявление невнимательности или нечуткости со стороны рабочих. Отсутствие связи, неосведомленность о городской жизни рождает среди крестьянской молодежи враждебные настроения. Ставится вопрос о размычке, делаются разные нелепые предположения и выводы.

Надо привлечь к вопросам связи с деревней внимание всего союза и добиться, чтобы разрешение их стало повседневной работой всех наших организаций. Теперешнее политическое положение нас к этому вдвойне обязывает.

В. ГОЛИКОВ

Молодые зубы и крепкие руки

Обычно юнкором считают того молодого рабочего или крестьянина, который пишет в газете и журналах, преимущественно по вопросам жизни молодежи. Ну, а та молодежь, которая пишет преимущественно не о своей жизни, является ли она юнкором?

Некоторые товарищи может быть подумают: какая разница — кого называть юнкором, и кого рабкором? Кому от этого легче?

Определение того, кто является юнкором, не является праздным, бестолковым делом, ибо вслед за этим определением должна последовать своеобразная, углубленная, воспитательная работа с пишущими, причисленными к категории юнкоров.

Существовавшая до сих пор неясность в этом вопросе не давала возможность точно установить, кого же должно объединить юнкорское движение и в чем его особенности в отличие от общерабселькоровской организации.

Кого же считать юнкором? По-нашему, юнкором является всякий молодой рабочий или крестьянин, пишущий в стенную или печатные газеты и журналы, независимо от того, о чем он пишет.

Из этого следует, что юнкордвижение должно охватить собою всю пишущую молодежь, что до сих пор почти нигде не удалось.

Существуют юнкоровские кружки и стенные газеты молодежи. По этой линии и шла работа с юнкорами. А то, что в рабкоровских кружках и вокруг общезаводских стенгазет объединены десятки тысяч молодежи (свыше 50% всех рабселькоров) и что с ними никакой работы по линии молодежи не велось, никого не трогало.

Стоит ли доказывать, что молодежь в процессе своего участия в борьбе, через печать, с бюрократизмом, за рационализацию производства и против его извращений, за переделку сельского хозяйства, с бытовыми извращениями, против чуждых рабочему классу влияний требует к себе совершенно иного подхода, чем взрослые.

Особенности молодежи, вытекающие не только из того, что она занимает отличное от взрослых положение в производстве (броня ФЗУ, индивидуальное и бригадное ученичество и др.), но из того, что у ней отсутствует жизненный опыт взрослых рабочих, что ей больше допускается ошибаться, ибо она находится еще в процессе воспитания, — всем известны.

Казалось бы, что, учитывая эти особенности молодежи, не должно было быть никаких сомнений на тот счет, что с юнкорами должна вестись отдельная, обособленная по своим формам и методам от взрослых работа.

Не тут-то было!

Все чаще и чаще раздаются голоса, что юнкорское движение вовсе не нужно, что оно является нежизненным, надуманным ответвлением рабселькоровского движения.

Юнкеры в загоне. Им не дают хода. Их тормозят.

На фабрике «Освобожденный Труд» (Москва) молодежь добивалась своей стенгазеты (молодежи на ф-ке свыше 500 чел.). Партийная ячейка запретила организовать отдельную газету молодежи.

Такую же неудачу потерпела молодежь Подольского механического завода (Моск. губ.), насчитывающая свыше 1.000 человек.

В Бауманском районе (Москва) нет почти ни одной стенгазеты молодежи, ни кружка юнкора.

На заводе «Красная Этна» (Н. Новгород) было запрещено выпускать отдельную газету молодежи.

Журнал «Раб.-Кр. Кор.» советует молодежи завода «Красный Путиловец» (ячейка ВЛКСМ состоит из 2.000 чел.) задуматься над тем, что «может быть, действительно, нет смысла иметь молодежную газету».

Можно было бы привести еще десятки примеров того, как упорно стараются утопить юнкорское движение.

Такая планомерная и «углубленная» работа по ликвидации юнкорского движения дала свои результаты: сейчас стенных газет молодежи и юнкоркружков столько, что их можно по пальцам перечесть.

Говорит ли это о кризисе юнкордвижения?

Кризиса, по-нашему, нет. Он был бы тогда, если бы молодежь в массе своей отошла от работы по печати. Мы же имеем факты противоположного характера. Свыше 50% всех рабкоров состоит из молодежи. Значит, дело не в кризисе, а в том, что определенный зажим в организации стенгазет и юнкорских кружков, отсутствие какой бы то ни было работы с молодежью в рабкоровских кружках, полнейшее безразличие к судьбам юнкорского движения со стороны комсомольских организаций и слабое руководство редакций газет привели к такому тяжелому состоянию юнкорского движения.

С наступлением осенних месяцев некоторые организации начали помогать улучшению работы юнкоркружков и стенгазет.

Ленинградцы ведут усиленную подготовку к предстоящей работе юнкорсекции губернского рабселькоровского совещания.

«Молодой Ленинец» (орган МК ВЛКСМ) организует на своих страницах обзор работы юнкоркружка и стенгазеты завода Динамо.

В Москве организованы районные семинарии руководителей юнкоркружков, редакторов стенгазет.

В Донбассе намечено созвать районные совещания юнкоров.

Но это капля в море. Большинство организаций пока еще остаются в «счастливом бездействии», массы ячеек предпочитают этой работе «давку мух».

Губительным для юнкорского дела является сейчас «беззубая» политика в вопросе организации стенгазет молодежи и юнкорских кружков, поддерживаемая очень многими. Мы всегда готовы без всякого участия и внимания уныло слушать жалобы молодежи на то, что ей не дают строить своей местной печати, и редко-редко пускаем в ход свои «молодые зубы», когда это и необходимо.

Этой слабостью многие пользуются, искаженно толкуя решения III всесоюзного совещания рабселькоров по поводу организации стенгазеты молодежи.

Эти решения в которых в частности указано, что стенгазету молодежи можно организовать там, где имеется «достаточное количество молодежи, крепкий коллектив ВЛКСМ и крепкое ядро юнкоров», почти как правило используется для того, чтобы стенгазету не организовать. В самом деле, чем можно доказать, что 100 человек—это достаточное количество, и как ты опровергнешь то, что 3.000—это недостаточное количество.

Такая туманная формулировка является «оружием» в руках ликвидаторов юнкордвижения. Надо это «оружие» вырвать из рук «врагов» и направить его против них. Прошедшее время с момента работы II всесоюзного совещания рабселькоров дает полное право на то, чтобы эти решения развить применительно к нынешним условиям, придерживаясь того, что необходимо увеличить качество стенгазет молодежи.

Но, кроме «зубов», нам нужно иметь еще и крепкие «руки», чтобы комсомол мог удержать в них все юнкорское движение, не давая ему уйти из-под его влияния. Требуется сильное и вместе с тем правильное руководство. А вот этого-то у нас и нехватает.

В Сергиевском уезде (Моск. губ.) Юдинская ячейка ВЛКСМ постановила: «Просить волком притти и разогнать нас, так как мы не знаем, что делать. Между прочим, мы хотим учиться и просим оставить у нас библиотеку».

Юнкоры оказываются гораздо умней юдинских комсомольцев; они не просят «притти и разогнать» их, а сами разгоняют себя.

На кабельном заводе (Москва) был юнкоркружок, который одно время прилично работал, но за отсутствием руководства распался.

То же самое произошло и на московских фабриках: «Парикская Коммуна», «Красная Роза» и многих других.

Уорощо, что юнкоры этих фабрик оказались настолько «мило-сердны», что ограничились только самоликвидированием.

Вот самарские юнкоры поступили по-другому. Они решили, что они стоят выше ячейки, и все вопросы, прежде чем выдвигать их на ячейке, обсуждали сначала на кружке.

Иногда кружок юнкоров прямо противопоставлял себя ячейке.

Вот к чему приводит ослабленное руководство со стороны комсомола. Бывает случай, когда «руководство» выражается исключительно в... контроле над заметками в стенгазете. Но это наблюдается более редко.

В большинстве наблюдается полнейшее игнорирование ячейкой юнкорработы.

В плане ячейки эта работа не предусмотрена. Комсомольцы, ведущие руководящую работу в редколлегии или кружке юнкоров, в большинстве перегружены многочисленными другими обязанностями, не имея возможности отлаться работе по печати.

Тщетно ищут кружки помощи и поддержки у ячеек. У них более важная работа, а такой «мелочью» заниматься им некогда.

Да не только ячейки, но и райкомы, укомы и губкомы этим делом не занимаются. Много ли комитетов обсуждали на своем бесчисленном множестве заседаний, пленумов вопросы юнкорского движения? Заботятся ли они о том, чтобы во-время были организованы курсы-семинары руководителей юнкоркружков, работников редколлегий стенгазет? Созывают ли время от времени (не говоря уже планово) совещания активных юнкорсв, членов редколлегий, уполномоченных по печати? Толкуют ли с ними о том, как улучшить

шить работу? Разработал ли кто, как организованно оформить юнкоров, входящих в состав рабкоровских кружков? Изучила ли как следует какая-нибудь организация содержание и методы работы юнкоркружка? Обобщен ли где-нибудь опыт стенгазет молодежи?

Нет, и еще раз нет.

Удивительно ли после этого, что юнкоры, если не просят разогнать себя самих, уходят из юнкоровского движения. Удивительно ли, что юнкоры вместо помощи комсомольской организации приносят иногда большой вред, противопоставляя кружки ячейкам.

Но все же юнкоровское движение в своем развитии не останавливается. Одни кружки, как маленькие пузырьки, лопаются, другие вновь рождаются. Отряд за отрядом вливаются новые, живые струи молодежи в ряды юнкоровской армии. Последний год—полтора обогатил нас новорожденной веткой юнкоровского дерева — фотохудожниками. Конкурсы на лучшие рисунки и фото-снимки, которые проводились разными печатными газетами («Ком. Пр.», «Беднота», «Кр. Газета» и др.), выявили десятки тысяч новых людей, жаждущих внести свою лепту в дело строительства печати, получить указания, как им продвигаться вперед по тому пути, который они выбрали. Эти конкурсы и последующая работа с фотохудожниками (совещания, организация выставок лучших работ, привлечение их к стенгазете и пр.) показали, что к участию в строительстве печати могут быть привлечены не только пишущие заметки и статьи, но и та часть молодежи, которая, войдя в ряды юнкоров, бьет по общему врагу хлесткими рисунками, карикатурами, удачным фото-снимком. Такой молодежи очень много и она должна быть привлечена к участию в строительстве газеты (стенной, печатной), вместе с тем помогая ей улучшать технику и содержание своих рисунков и фото-снимков. Речь идет о том, чтобы серьезно заняться объединением фотохудожников вокруг газет и помощи им в работе. Будущность фотохудожниковского движения неизмеримо велика.

Одна газета прекрасно проводит конкурс на лучшего прогульщика, другая хорошо поставила отдел «Конкретные носители зла», «Мозги в стирку», третья под заголовком «Митька с трубой» проводит смотр по цехам.

Творческая мысль бежит неустанно вперед. Подымаются в интересной форме не менее интересные, волнующие молодежь вопросы.

Многие газеты стали действительными организаторами молодежи. Редколлегия созывают своих читателей и юнкоров, отчитываются перед ними и вместе с ними намечают планы будущей работы.

Но если мы на основании этих немногих «призывных огней» заключим, что большинство стенгазет вполне удовлетворяет молодежь, что оно является правильным «зеркалом общественности рабочей молодежи» — мы глубоко ошибемся.

Уж слишком много фактов казенного отношения и графаретного подхода к стенгазете. Очень часто ее выпускают только по «привычке». Нет былого энтузиазма и интереса вокруг стенгазеты.

Это объясняется, по-нашему, двумя причинами. Первая из них заключается в том, что газета все же проходит мимо волнующих молодежь бытовых вопросов.

Из обследованных по Москве 30 стенгазет только 7 ставили бытовые вопросы как следует. Остальные занимаются общими рассуждениями по поводу и не по поводу.

Редкие газеты, вроде «Стальной Орленок» (з-д «Дукс»), ставили на широкое обсуждение своих читателей вопросы жилища, распределения заработка, работы клуба, чтения книг, хождения в театр, кино, экскурсий и пр.

Остальные стоят очень далеко от этих вопросов, занимаясь «высокой политикой». Характерно, что стенгазеты во всех случаях, вроде дела Разинкина (покушение на мастера), самоубийства молодежи (ф-ка Циндель) на почве разочарования жизнью, заведомо неверного снижения зарплаты молодежи в связи с рационализацией производства (Пушкино), стоят в стороне.

Это указывает на некоторый отрыв стенгазет от молодежи. Такая опасность имеется. Надо более смело, а иногда и резко, ставить на обсуждение читателей наиболее важные вопросы, не дожидаясь, пока они приобретут уже явный характер. Надо чутко реагировать на настроение молодежи.

Вторая причина безразличного отношения молодежи к газете заключается в том, что газета выходит очень редко и в единственном экземпляре. Несмотря на ее красочность, ее не все могут прочесть, да и материал стареет.

В этом отношении интересен опыт молодежи ф-ки БИВМ (Ив.-Вознесенск), которая стала издавать стенную газету еженедельно на шапирографе в 120 экземплярах. Несмотря на то, что газета не так красочна, как стенная, она зачитывается молодежью до дыр.

Вообще намечается, пока еще только на более или менее крупных предприятиях, переход от стенной газеты к местной печатной. Иногда печатная газета обходится не дороже стенной. Печатная газета пользуется громадным успехом среди рабочих и рабочей молодежи.

На табачной фабрике в Ростове н/Д., где работает свыше 2.000 человек, местная газета достигла тиража свыше 2.500 экз. Одновременно с этим подписка на центральные газеты также поднялась.

Все это говорит за то, что необходимо поддержать местные организации в деле перехода от стенной к печатной газете. Это один из методов усиления интереса к местной газете.

Ясно, что там, где невозможно перейти на печатную газету, необходимо использовать накопившийся опыт в работе по улучшению техники и содержания «стенки».

Чтобы удовлетворить запрос стенгазетчиков и работников юнкоркружков, нужно издавать литературу по вопросам их работы.

В ответ на эти требования юнкорские работники, надеясь на добросердечность и чуткость к запросам молодежи наших издателей, кормят неутомимо-жадных юнкоров завтраками.

А они в ответ:

«Полгода снег и снег, ведь это, наконец, и жителю берлоги — медведю, надосет».

Куда ведут некоторые ошибки¹

Недавно во владивостокской газете «Красный Молодняк» была напечатана вызвавшая оживленный обмен мнений статья тов. Донец: «Зачем программа, зачем устав?» Ее содержание сводится в основном к двум положениям: 1) немедленная массовая чистка союза под лозунгом: «Надо оставить в организации только сливки» (дословное выражение тов. Донец на одном собрании комсомольских ячеек); 2) следует принимать в комсомол ребят, достигших известного политического уровня.

Интересны в статье тов. Донец главным образом не самые ее предложения, а пути, по которым она к ним приходит, и те обоснования, которыми она их подкрепляет.

Начнем свой разбор со второго предложения. Из того, что большинство вступающих в комсомол слабо знает программу и устав союза (при чем падает это большинство на рабоче-крестьянскую молодежь), тов. Донец, ничтоже сумняшеся, делает такой вывод: надо, принимая в комсомол, руководствоваться не социальным положением вступающих, а их *политической ориентировкой*.

Что получилось бы, если бы союз вздумал осуществить это предложение — не трудно представить. В Стране Советов не мало живет такого люда, который только в силу случайных обстоятельств не очутился за рубежом. Сначала эта публика огрызалась на большевиков, но с течением времени поустроилась и сынков своих поустроила по советским вузам. Теперь эти сынки высоким штилем говорят о своей преданности советской власти, нежно тая в то же время в груди своей робкую надежду на получение стипендии. Все они, несомненно, хорошо грамотны и вызубрили программу и устав комсомола на зубок им ничего не стоит.

Итак, предположим, вызубрили, «экзамен» сдали на пять с плюсом и — глядите, мужи, в комсомол.

Нагрянули. И вот какая развернулась бы дальше перед нами картина: пришедшая в союз социально чуждая нам молодежь блеском своего красноречия оттесняет на задний план менее грамотную, менее искусственную в словесных боях, рабочую и крестьянскую молодежь. Она становится идеологом союза, она начинает вести молодых рабочих и крестьян на поводу. В худшем случае она использует союз в своих классовых интересах. В лучшем — она превращает его в организацию коммунистических начетчиков, против чего так предостерегал нас на III съезде Ильич. В такое-то болото и тащит с энергией, достойной иного применения, наш союз тов. Донец.

¹ Не будучи согласна с отдельными утверждениями данной статьи, присланной из Пекельско-Усурайской губ., Редакция тем не менее, сильно сожалеет, помещая ее, ибо в ней отражены некоторые процессы, происходящие в глухой провинции.

Вернемся теперь к первому предложению — массовой чистке, с тем, чтобы остались только «сливки». Допустим, что мы согласились с тов. Донец, — чистить надо. Но кого же и как чистить? Предоставим тов. Донец высказаться по этому вопросу. На объединенном собрании комсомольских ячеек города Старожиллова (Дальне-Восточная область) тов. Донец так говорила: «Производя массовую чистку, надо исключить из комсомола ту часть молодежи, которая за известный период не выявила себя активно».

Но как установить эту неактивность, что под ней понимать? Возьмем, к примеру, комсомольскую ячейку дер. Незнамовки. Там наблюдается громадная тяга в комсомол, рост ячейки сверхнормальный, ядро же этой ячейки слабо и не может выявить активность молодежи. Другой парень ходит год—другой, слушает внимательно разговоры на собраниях, газету про себя прочтет незаметно, а потом долго, бывает, кумекает сам с собой, наедине, или разве с таким же комсомольцем, как и сам, поделится. Итти же с вопросами в бюро или на собрании высказаться — стесняется. К ячейке парень прилепился всей душой. Активно же он себя ничем за год—два своего пребывания в ячейке не проявил. Что ж, исключать его, по рецепту «доктора» Донец?

Или вот другой случай: поступает некий парень, считающийся в своей деревне Глуховке активным, в ледтехникум. Набравшись как-то смелости, краснея и голосом прерывающимся решается он высказаться против предложения, внесенного одним вузовским активистом. Последний тут же, что называется, разделяет его «в лок». Парень обескуражен. Такая же история повторяется с ним и на следующем и на третьем собрании. После сих неприятных перепадет парень совсем замолкает и молчит год—два, делаясь своими мнениями только с задушевыми товарищами. Собраний же ячейки он ни разу не пропускает, внимательно слушает и науки грызет наипаче всех.

Подобных примеров мы могли бы много привести и из жизни рабочих ячеек и ячеек совучрежденческих, но в основе им лежали бы те же причины. Ясно, что такие товарищи не могли бы быть зачислены в рубрику «сливок» и подлежали бы исключению.

Но снова согласимся на минутку с тов. Донец. Итак, чистка прошла. Посмотрим, кто же остался в комсомоле. Остались хорошо выдержанные во всех отношениях ребята. Это предполагает и соответствующий возраст: 18—20 лет. Налицо будет не комсомол, а коммунистическая партия молодежи, — лозунг старый и довольно-таки потрепанный. Но так как для тов. Донец и иже с нею он, по видимому, нов, то парой замечаний придется на нем остановиться. Тех ребят, о которых говорит тов. Донец, именуя вкусно «сливки», нам надо передавать в партию, а не создавать партию параллельную. И тов. Донец, пишущий статью «Зачем программа, зачем устав?», следовало бы заглянуть в программу и устав ВЛКСМ и ВКП(б) повнимательнее. В уставах там есть кое-какая разница, говорящая за то, что нам нужна не коммунистическая партия молодежи, а коммунистический союз молодежи, раскрывающий двери шире, чем партия, чтобы переварить в себе сырой материал и переваренный вполне передать затем в партию.

Итак, мы видим, что уже при самом простом критическом отношении основные положения статьи тов. Донец оказались, в ко-

нечном счете, глубоко чуждым по своей природе правильной комсомольской линии.

Но нас, как мы отмечали выше, интересуют не только эти положения, но и те пути и тропинки, по которым тов. Донец добралась до них.

Приступая к этому, мы считаем необходимым остановиться прежде всего на обстановке, питающей такие взгляды и приведшей, как видим, к утере правильной комсомольской перспективы.

Городок, в котором учится в техникуме тов. Донец, стоит на границе с Китаем. В нем, рядышком, живут две жизни: одна питается обывательским настроением заброшенного пограничного городишка, другая куется в цехах фабричной окраины.

В центре расположения первой гвоздем возысился педтехникум. И тов. Донец, приехавшая 2—3 года назад из своей деревни Незнамовки в город Старожилы, не перекинулась мостками в рабочую часть города, а отчасти растворилась в обывательской психологии непролетарского центра. Это влияние, безусловно, сыграло свою роль в деле создания чуждых комсомолу настроений тов. Донец. И вот, несмотря на то, что у тов. Донец были хорошие, в сущности, желания помочь своей организации, несмотря на то, что она от всей души верила, что ее выводы суть вернейшие пути, по которым будет в дальнейшем развертываться работа нашего союза, она пришла к ликвидаторским выводам, на которые и получила должный отпор.

Но главную роль в образовании неправильных взглядов тов. Донец, по нашему мнению, сыграло другое. У тов. Донец возникли вначале кое-какие сомнения насчет благополучия в нашей организации. Вползли они к ней маленькими червячками и копошились медленно и вяло. Тут-то бы и пойти тов. Донец со своими сомнениями в свою организацию. Так, мол, и так, ребята. Глядишь — и был бы подкован комсомолец на обе ноги. Но тов. Донец вместо этого пошла от организации особнячком: поразмысли, мол, на досуге. И размышляла. О размышления же своих — ни гу-гу никому. А пока размышляла комсомолка Донец, сомнения, что вползли к ней маленькими червячками, росли и крепились, пока не превратились в крепкое убеждение, которое в форме твердых выводов тов. Донец помещает в свой окружный комсомольский орган. Так, вот, из невинного на первый взгляд «поразмысли в одиночку на досуге» родилась оторванность от организации.

Комсомолка Донец упрямо держится на своих позициях и по сей час, хоть и непоследовательно порой. Все кажется комсомолке Донец, что не понимают ее. Вот еще немного — мнится ей — скажется это самое нужное слово и озарится все светом истины, и тогда узрят даже слепые, что правильно говорила она — Донец. Мучается хорошим чувством комсомолка Донец, движимая опасениями за судьбы своей организации, и... убеждает. А уж известно: чем дальше в лес, тем больше дров...

Лавры тов. Донец не дают спать некоторым другим комсомольцам. Пишет тов. С., член ВЛКСМ, кандидат партии, два года тому назад рабочий на производстве, год спустя работник комсомола (политпросветрайкома), а теперь рабфаковец. Поделившись своими наблюдениями, тов. С., не мудрствуя лукаво, решительно заявляет: «Я думаю, что нужна перестройка всего союза с начала до конца. Но тут, несмотря на свой форсированный марш, С. ощу-

щает все-таки некую стесненность и, чувствуя, что столь категорическое заявление надо чем-нибудь подкрепить, добавляет: «Не в методах работы кроется причина (причина оторванности союза от масс, как он объясняет дальше. — В Н.), не в чистке, а в задачах союза» (!).

Правда, остается несколько неясным: какие же это у союза появились новые задачи, столь отличные от стоявших перед ним до сих пор. Но на это тов. С. не дает прямого ответа, — догадайтесь, дескать, сами. Начинает же он с подходов. «Что сейчас представляет собой союз молодежи: помощника партии, школу коммуниста? — вопрошает тов. С. и иронизирует: — Профсоюзы — помощник партии; советы — помпартии... Советская власть плюс электрификация — коммунизм. Комсомол — воспитывающая организация. А профсоюзы? А советы? Комсомол — политическая организация. А насколько велико увлечение политикой? Многие из актива комсомола совершенно не знают истории своего комсомола».

Оставив в стороне «убийственную» иронию тов. С., остановимся на последних двух его замечаниях — об отсутствии политической активности и о незнании многими активистами истории союза. Конечно, надо стремиться к тому, чтобы все комсомольцы хорошо знали свою историю. Но делать из этого и на основании нескольких примеров вывод о политической неактивности — нелепо. Разве не приходилось тов. С. даже в далеко заброшенных от дугей сообщения деревушках наблюдать в комсомольских ячейках, на ряду с незнанием истории комсомола (материалов о которой под рукой нет и рассказать-то о ней некому), как деревенский актив тянется к книге, к газете, работает в сельсовете; это ли не «влечение к политике»? Или уже так решил тов. С., что раз комсомолец не знает истории союза, то не может быть у него «влечения к политике?»

Обвинением комсомола в политнеграмотности тов. С. не ограничивается. Где в % отношении больше пьянства, — прокурорски вопрошает тов. С. и, не задумываясь, отвечает, — в комсомоле, потому что запрещенный плод вкусен. Рассматривая под этим углом зрения комсомольскую организацию, — продолжает он дальше, — невесело задаешь себе вопрос: а не висит ли она в воздухе? Не оторвалась ли от действительности?»

Тут уж мы можем только развести руками. Если тов. С. под таким углом зрения (поголовного пьянства) рассматривает всю организацию, то тогда и небо с овчинку покажется. Но каким это образом и из каких источников уловчился тов. С. почерпнуть сведения о бушующем, будто бы, в нашей организации море пьянства, такого пьянства, которое чуть ли не захлестывает ее целиком? Об этом молчок, об этом — ни слова. Ну, что тут поделаешь с человеком, у которого такая манера доказывать: говорю так — значит правильно!

Далее, основываясь, видимо, на своеобразном законе смежности: раз есть пьянство, так должно быть и хулиганство, С. пишет: «Ребята-комсомольцы гораздо больше увлекаются физкультурой и мордобитием, чем политикой. В борьбе с хулиганством комсомол активен и в своей активности помогает фашистским (!) организациям, которые предпочитают физическое воздействие моральному». Тут, правда, несколько неладно получается у тов. С.: он заявляет, что комсомольцы здорово увлекаются мордобитием, и тут же констатирует, что они активно борются с хулиганством. Но где това-

рицу С. замечать такие нелогичности! Раз пошел все красить в черный цвет — крась и не обращай внимания на то, что и рука в черной краске и сам весь измазался.

Мы не хотим вовсе сказать, что в комсомоле нет хулиганов. В семье не без урода, и встретить хулиганивших комсомольцев — не ахти какая редкость. Но надо же во всем знать меру — не паникерствовать, не обобщать отдельные явления, а уметь трезво подходить к вещам, иначе в такие дебри заберешься, что и вылезти не сумеешь.

Вернемся к заявлению тов. С. о том, что в существовании комсомола сейчас и смысла никакого нет. Вспомним его мотивировку: раньше, мол, нам говорили, что комсомол — помощник партии, школа коммунизма, воспитывающая организация, наконец, организация политическая. Но, дескать, это так говорили, а ежели мы сами посмотрим, то получается наоборот. Политикой в комсомоле мало занимаются, профсоюз получше комсомола воспитывает. Советы — вот истинный помощник партии.

О политике мы уже достаточно говорили. Остается утверждение тов. С., что в настоящее время советы и профсоюзы заняли все поле воспитательной деятельности, так, что на долю комсомола таковой ни кусочка не осталось, а следовательно, нечего и бюрократизм разводиться — штаты содержать.

Тов. С., соболезнующему о незнании комсомольцами истории своего союза, мы посоветуем заглянуть в историю самому. Заглянув, он там встретит уже в 1917 г. союзы молодежи, на ряду с партией и профсоюзами.

Тов. С., конечно, может нам возразить, что тогда и советской власти не было еще, да и профсоюзы имели другую окраску. Все это верно, об этом речь будет впереди, сейчас мы только устанавливаем факт. Установив же оный факт, мы спрашиваем: а как же возникли эти организации? Насаждали их, что ли, как молодой лес в искусственном парке? Везде и всюду мы видим, что возникают они самостоятельно, лавой вырываются изнутри, а потом росли и ширились.

Молодежь создает самостийно свои организации, клокочет в них горячим потоком, и все это, порой, при не совсем даже серьезном отношении местных парт'ячеек: забавляются-де ребята. Почему это происходило? Потому, что молодежь имеет свою собственную психологию, отличную от взрослых, в которой ход одного и того же события преломляется несколько своеобразно: вместе взятые, эти обстоятельства требуют своих собственных мер работы, что диктует необходимость иметь свою особую организацию. Все это ясно для каждого, только не для тов. С.

Но у тов. С. есть заранее подготовленные позиции, на которые он с боем отступает. «Допустим. — говорит он. — что нужна особая юношеская организация. Но так как для политико-воспитательной работы нет места (все поле деятельности занято) и интереса к общественно-политическим вопросам у молодежи нет, а есть интерес к посиделкам и спектаклям, то пусть вместо комсомольских ячеек будут культурки. Тогда будет устранен параллелизм в работе комсомола и культуружков и смогут быть продуктивно использованы те минимальные культурные силы, которые есть в деревне.

Задержимся снова на вопросе об отсутствии общественно-политических интересов у молодежи.

Но откуда взялась у тов. С. мысль об отсутствии интереса к политике? Ларчик открывается просто: тов. С. под словом «политика» понимает какую-то сухую комсомольскую учебу, какое-то натаскивание книжное. Упаси нас, угоднички, от такого учения, превращающегося в зубрежку коммунистических прописей; об этом как раз и сказал недавно тов. Калинин, утверждая, что мы скоро замордуем политикой молодежь. Если бы такое положение дел действительно было сейчас в нашей организации, то, конечно, в самом непродолжительном времени нам пришлось бы капитулировать перед тов. С., ибо все интересы и влечения молодежи перед лицом такой «политики», и только политики, неминуемо должны были бы в таком случае у нее пропасть. Но мы говорим о другой учебе и других интересах. Для нас ясно, что у молодежи, помимо политических запросов в собственном смысле, помимо общественных интересов, сказывающихся в участии молодежи в работе сельсоветов, есть еще и интерес к поднятию своего образования и многие другие культурные запросы, конкретное перечисление которых заняло бы не мало места. И вот в умелом сочетании всего этого конгломерата запросов — и общественно-политических и культурных — заключается гвоздь работы комсомола сейчас. Несмотря на то, что об этом твердят с XIV партсъезда, тов. С. до сих пор не понял этой истины.

Теперь рассмотрим обвинения тов. С. в параллелизме. Под словом «культуркружки» тов. С., очевидно, понимает: драмкружок, селькоровский, с/хозяйственный и др., существующие при избечитальне. В эти кружки входит значительная часть молодежи, при чем каждый парень или девушка входят, и преимущественно только в один кружок. Теперь представим себе, что в деревне, помимо этих кружков, нет других организаций молодежи.

Возвратимся на минутку к вызванной нами картине конфликта с Англией. Вокруг этого злободневного факта создается масса самых различных толкований. Чем дальше деревня от центра, тем дальше она от истины. И вот все эти толки могут пойти по двум направлениям. Или же они будут перепеваться на разные лады домашним образом, так сказать, под сурдинку; придать им окончательный оттенок в деревне будет зависеть от первого, кто захочет и мало-мальски сможет сделать. Или же вопрос выйдет за границы домашних переусудов и тогда неминуемо докатится и встанет на тех же кружках, при чем, во-первых, его придется ставить в отдельности на каждом кружке, во-вторых, молодежи придется, несмотря на различные интересы, обсуждать его (и аналогичные вопросы) вместе со взрослыми. И так как таких, выходящих из рамки культурничества, и требующих особого обсуждения среди молодежи, вопросов довольно много, то ясно, что нам придется снова столкнуться с необходимостью создания политической организации молодежи, придется воскресить комсомол, единственно мыслимую, действительно правильно отвечающую требованиям и интересам трудящейся молодежи, массовую организацию.

Мы не знаем, много ли таких мудрецов у нас в комсомоле, как тов. С., но что они есть — факт несомненный. И вот, когда подобные ребята попадают к руководящему рулю нашими комсомольскими организациями, в деревне особенно, то вместо того, чтобы перед комсомольцев ставить маленькие задачи, — к примеру, вырастить у себя в огороде такой сорт картофеля, который во всех отно-

шениях будет выгодней прежних сортов; или, чтобы, изучая политику, помочь своему отцу, соседу ясно представить, что тов. Калинин это не «все равно, что царь», а рассказать про устройство нашего государства, — они начинают мудрить, путаться в шумных и трескучих фразах, ничего не говорящих ни уму, ни сердцу. Когда же при их руководстве дела в ячейке начинают приходить в плачевное состояние, они вместо того, чтобы «чем кумушек считать трудиться, не лучше ли на себя кума оборотиться», — заблуждаются в нагнанном своими же собственными мудрствованиями тумане и, оступившись в нем, в панике воют: «батюшки, тонем!» — сиречь, комсомол оторвался от действительности, от масс! Пишут такие письма:

«Я, прежде всего нахожу, что в рядах союза непробудная спячка. Активность настолько слаба, что единственным волнующим вопросом в ячейках является вышибание кого-нибудь. Может быть, я смотрю слишком узко и сужу только по своей ячейке (курсив наш.—В. Н.), но у нас собрания идут очень вяло».

Мило, не правда ли? Судить по своей ячейке и обобщать для всего союза!

Такие неосновательные наблюдения и спороносные, неподуманные выводы, характерны не только для тов. С., но и для тов. Донец, рассуждения которой мы разбирали выше. Еще характерно для них обоих, что с возникшими сомнениями они не идут в свою организацию, газету, а разбирают их втихомолочку, отрываясь от союза и этот свой отрыв выдавая за отрыв союза от масс и действительности.

Дело здесь, конечно, не в индивидуальных качествах т.т. Донец и С., а в том, что у нас до сих пор комсомолец не привык со всеми возникающими у него вопросами и сомнениями идти в свою ячейку, писать о них в свою газету, ставить на массовое обсуждение. Он почему-то считает, что в газету надо писать только о недостатках и достижениях, а о вопросах принципиального характера нельзя — не пропустят. Надо поскорей разбить такой взгляд, иначе он станет серьезным тормозом на нашем пути при дальнейшем развертывании внутрисоюзной демократии.

Анализируя статью тов. Донец и письмо тов. С., мы ясно отдавали себе отчет, что подобные явления не являются чем-либо устрашающим для комсомола. Но в то же время мы заостряем внимание читателя на них, ибо они не случайно выхвачены нами, а типичны для известной части союза и заслуживают того, чтобы на них остановиться. В этом мы убедились на основе того огромного интереса, который проявила владивостокская организация к статье тов. Донец.

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ

Н. ЧАПЛИН. — «Об оппозиционной клевете на комсомол». С приложением письма ЦК ВЛКСМ об итогах объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП (б). «Молодая Гвардия», 1927. Стр. 28. Цена 10 к.

В своей борьбе против партии оппозиция не считается со средствами вербовки сторонников своей платформы. Фракционная работа внутри партии, демагогические выступления, рассчитанные на привлечение в свой лагерь наиболее отсталых слоев рабочих, заигрывание с крестьянством, поддержка исключенных из Коминтерна явно антипартийных и антисоветских элементов — все средства хороши, если они мобилизуют под оппозиционными лозунгами противников «нынешнего руководства ВКП(б)». Нет ничего удивительного в том, что комсомольская организация в свою очередь стала объектом этой мобилизационной кампании. Ведь еще в период дискуссии 1923 г. Троцким была сделана попытка привлечь на свою сторону молодежь лозунгами об особой роли молодежи в революции, противопоставленном поколений, игрой на цеховых настроениях некоторых слоев. Эта попытка даже имела некоторый успех у уязвимой молодежи и в вузовских комсомольских ячейках. Нет сомнения также в попытке ленинградской оппозиции перед и во время XIV съезда партии привлечь на свою сторону ленинградскую рабочую молодежь и ленинградскую организацию комсомола. Новая «объединенная» оппозиция также не может пройти мимо комсомола. «Оппозиция пытается вести борьбу за комсомол», — констатирует известное письмо ЦК ВЛКСМ, посвященное итогам августовского пленума ЦК и ЦКК ВКП(б). «Она создала в дополнение к своей общей платформе платформу по вопросам юношеского движения». Несомненно одно: сейчас, когда приближается новый партийный съезд и время предсъездовской дискуссии, борьба за комсомол за использование комсомола в борьбе против партии, будет развернута оппозицией во всю. Бешеное нападение оппозиции на партию, ее фракционная работа, спекуляция на трудностях роста имеют свое отражение и в рядах нашего союза. Комсомол рос и развивался в борьбе с синдикалистским уклоном, цеховыми настроениями, в борьбе с теорией независимости (от партии) юношеского движения. Печальная (и поэтому социал-демократическая) установка оппозиции, ее фракционная антипартийная борьба снова вызвали к жизни эти осужденные и изжитые настроения.

В чем же заключается оппозиционная платформа в отношении юношеского движения? То же письмо ЦК ВЛКСМ характеризует ее так: «Она (оппозиция) обвиняет комсомол в мелкобуржуазном перерождении. Это обвинение троцкисты в комсомоле мотивируют: 1) ростом крестьянской части союза, 2) так называемой «сдачей октябрьских завоеваний» в вопросах юношеского труда и 3) бюрократизацией союза».

Видимо, и здесь мы имеем одну последовательно проводимую линию: перерождение, кулацкий уклон, термидор, «аппаратный» режим! Ничего нового для комсомола оппозиция и оппозиция в комсомоле приумать не могли. Это перерождение в целом (мелкобуржуазное перерождение) и в отдельных его частях («сдача позиций», бюрократизация и т. п.) является той самой *оппозиционной клеветой на комсомол*, опровержению и осуждению которой и посвящена брошюра тов. Чаплина. Пункт за пунктом разбирает автор клеветнические вымыслы, и из этого разбора становится ясным одно: да! элементы мелкобуржуазного перерождения в комсомоле есть, но именно они целиком представлены оппозицией. Вот яркий факт: в Грузии создан «Союз защитников внутрисоюзной демократии им. тов. Троцкого». Этот «союз» выпустил листовку, в которой называет партию «бессловесным стадом», «механически голосующим «за». Работу партии по рационализации промышленности считает направленной против рабочего класса, самую рационализацию — капиталистической (!). И этот союз осмеляется требовать созыва чрезвычайного съезда партии и комсомола!

В свою очередь, московские оппозиционеры обвиняют ЦК ВЛКСМ в отходе «от старой ленинской позиции в вопросах труда молодежи», в «ухудшении положения рабочей молодежи». Не отстают от московских и харьковские, которые уже отказываются считать комсомол руководителем рабочей молодежи.

Эти факты и многие другие читатель найдет в рецензируемой брошюре т. Чаплина. И все они подтверждают лишь то, что оппозиция в комсомоле идет в своей тактике и приемах борьбы против комсомола, по стопам «взрослой» оппозиции: фракция внутри союза, демагогия и клевета для всеобщего сведения. Они свидетельствуют, что мобилизация сил оппозиции разворачивается и на комсомольском участке фронта. Вот почему борьба с троцкистской оппозицией в комсомоле выдвигается, как одна

из важнейших задач союза в настоящее время, и т. Чаплиным и письмом ЦК ВЛКСМ (§ 5).

До сих пор оппозиции не удалось достигнуть хоть сколько-нибудь значительных успехов в ВЛКСМ. Она не ждет их и в дальнейшем.

К. Антонов

«Пехота на перевале»¹

(Опыт работы по-новому Орловской губорганизации ВЛКСМ)

Названная книжка является подытоживанием опыта работы по-новому одной из наших крупных крестьянских организаций. «Тяжелой пехотой» — окрестил тов. Чаплин на V конференции ВЛКСМ организации национальных республик и крестьянских губерний.

Это название выражало мысль, что крестьянские и национальные организации союза отстают от наших промышленных организаций в развертывании работы «по-новому» (участие в поднятии и кооперировании с.х., развертывание культурной работы на селе и т. п.). Тем более ценным является издание таких книжечек и брошюр, в которых в доступной и популярной форме излагаются и подытоживались бы факты и примеры работы этих организаций в новых условиях.

«Пехота на перевале» не первая книжка такого порядка; не так давно Псковским губкомом и рядом других губкомов были выпущены такие же книжки. Особенность орловской книжечки заключается в том, что здесь наряду с выявлением и обобщением опыта работы по поднятию сел. хозяйства губернии дано так же описание таких новых форм работы комсомола на селе, как кустарно-ремесленные кружки, «Красная рубаха», живая крестьянская газета молодежи и т. п. До сей поры в таких книжках обычно, основное внимание обращалось на показ достижений в деле сел. хоз. и совсем замалчивалась та огромная культурно-просветительная работа, которая проводится комсомолом на селе.

«Комсомольская пехота в бой пошла», такими словами начинается книжка. Факты и цифры, приведенные в книге, доказывают, что это действительно так.

Переход в наступление на фронте работы по-новому — оградный факт. Но начать наступление это еще не значит решить задачу целиком и полностью.

Для победы, для завершения культурной революции в деревне, нужно, чтобы наступающая пехота знала, во имя чего, какими средствами и кем

ведется наступление. Дать правильные лозунги, дать цель наступления в этих лозунгах — это первое и необходимое условие для успешного развития операции.

Руководить всем движением и развертыванием операции, по линии подтягивания отстающих, исправления ошибок действующих частей, по линии выравнивания всего фронта — такого второго условия проведения всей операции.

Орловский губком в своей книжечке не показал нам отстающие, забегавшие вперед, делающие ошибки части, не показал также, как поведет себя руководит этим делом губком. Сейчас уже недостаточно напечатать книжку фактов — надо показать также, как выросло это движение, кто оформил его, под каким лозунгом оно проходит, кто помогает союзу в деревне, кто тормозит его работу, каковы перспективы ячеек («наступающих частей») и т. п.

Но особенно вредно и губительно для наступления — если командир, начальники и вся масса наступающих не знает цели наступления.

При таком положении «пехота» может зайти втупик или может идти неправильным путем, — так оно частично и случилось с орловской «пехотой». Нажимая на усиление нашей работы по поднятию и кооперированию сел.хоз., смыкая комсомол с этой работой, нам, как политической организации, надлежит при этой смычке дать ясные конкретные, политические лозунги, дать цель и установку в работе.

Ближайшая цель нашей работы на этом участке: поднять доходность сел.хоз. и улучшить тем самым благосостояние населения. Но ведем мы эту работу не ради личного обогащения, а ради усиления хозяйственной мощи бедняка, кооперирования большинства крестьянских хозяйств (т.е. следовательно, середняцких хозяйств) против кулака, за союз крестьянских хозяйств с городской социалистической промышленностью, за союз кооперированной, — т.е. в известном смысле слова социалистической, — деревни с социалистическим городом. Каждое деревенское комсомольца мы должны воспитать именно в таком направлении. Отсюда совершенно ясно, что противопоставлять город деревне или наоборот — нельзя.

Как непохоже то, что говорит в этой книжке Орловский губком с тем, что мы сказали, показывает хотя бы следующая цитата из предисловия к книжке — «Лозунг нашего союза и в частности губорганизации — держись за землю».

Или еще — «Богатство не только в Донбассе, богатства не меньше в деревне».

¹ Издание Орловского губкома ВЛКСМ стр. 64, тираж 2.000 экз.

Не нужно уберать в угольное царство (?) — строй рай (?) на земле» (курсив везде мой — Н. С.).

Дальше в том же роде.

Очень ярко и убедительно рассказываешь в книжке, как некоторые ячейки агитируют ребят не ехать на заработки в город (Орловская губерния поставляла огромное количество рабочих для Донбасса).

«Мы стали его уговаривать не ехать в Донбасс и взяться за восстановление своего хозяйства».

Тут же картина — «Богатство не только в Донбассе».

Результат агитации таков, «комсомолец сказал: «брошу город» (сообщение секретаря Залегощинского волкома ВЛКСМ).

Так увлеклись работой, может быть с хорошими целями, но без достаточного продумывания этого вопроса, без представления о конечной цели — орловские товарищи агитируют деревенских комсомольцев против города, подводи их (невольно, все это, конечно, невольно) к лозунгу «обогащайтесь».

Одно время, при проведении известных решений о допущении частичной аренды на землю, наемного труда и т. п. часть товарищей в нашей партии поняла этот «курс» как приказ к обогащению. Проникли эти настроения и в комсомольскую печать. В частности «Комсомольская Правда» поместила одну статью,¹ где протаскивался этот лозунг.

Вот что тогда в специальном письме редакции писал секретариат ЦК ВКП(б) по этому поводу:

2 июня 1925 г. письмо в редакцию за подписью тт. Сталина, Молотова, Андреева.

«Считаем, что некоторые места в статьях тов. Стецкого «Новый этап новой экономической политики» вызывают сомнения. В этих статьях, правда в мягкой форме, проводится лозунг «обогащайтесь». Лозунг этот не наш, он неправильен, он вызывает целый ряд сомнений и недоразумений, и ему не должно быть места в руководящей статье в «Комсомольской Правде». Наш лозунг «Социалистическое накопление». Мы снимаем административные преграды, стоящие на пути благосостояния деревни. Эта операция безусловно облегчает всякое накопление и капиталистическое, и социалистическое. Но никогда еще партия не говорила, что она своим лозунгом ставит частное накопление».

Это письмо может послужить и должно послужить всем нашим организациям действительной принципиальной

¹ «Комс. Правда» потом исправила свою ошибку.

платформой, на которой надо будет развертывать нашу работу по поднятию сельского хозяйства.

Эту ошибку товарищи из Орла совершили потому, что они не продумали до конца весь вопрос, не повяли всей его сложности, потому что горячо взялись за практическое дело и увлеклись им, сбившись на путь узкого делчества и практицизма. Товарищи теперь сами признали это. Случай в Орле — напоминание всем нашим организациям о том, что предупреждение последних пленумов и конференций партии и союза об уклонах в сторону делчества и узкого практицизма при забвении революционной перспективы было вовсе не случайно.

Такие уклоны (или тенденции к их развитию) могут появиться и появятся в нашем союзе и наша обязанность и наш долг предупредить их в самом зародыше.

С. Николаев

Н. К. КРУПСКАЯ.—«Пути пионерского движения». Изд-во «Молодая Гвардия», 1927 г., стр. 215.

Тов. Крупская, принимавшая с первых лет революции очень деятельное участие в движении молодежи, уделяла и уделяет поныне особое внимание пионерскому движению и вопросам воспитания детворы. По ее речам и статьям, собранным в этой книге, можно проследить основные моменты развития деткомдвижения СССР, от возникновения до настоящего времени.

Первыми детскими организациями после революции явились «юные коммунисты». Их нельзя считать прямыми предшественниками пионердвижения, так как фактически это были замкнутые группы детей, почти полностью сохранившие элементы скаутизма во всей своей работе. В статье «о юках», написанной в 1919 году, Н. К. пишет, что «вся эта фразеология носит архи-буржуазный характер», подчеркивая одновременно, что при максимальном искоренении всего вредного из буржуазной системы воспитания («скаутинг»), «нам многому надо научиться у бойскаутизма». В 1923 году, — после возникновения первых пионерских отрядов — Н. К. помещает в «Правде» статьи, описывающие задачи организации юных пионеров и необходимость привлечения к ним широкого общественного внимания.

Несколько позже тов. Крупская выдвигает тезисы (для состоявшегося при ЦК ВКП совещания), в которых намечаются пути пионерского движения в связи с задачами советской школы. Эти тезисы и поныне остаются основным документом по вопросу о сущности пионер-организации. Из перечисленных ма-

терналов и оставлен первый отдел рецензируемой книги: «На путях к пионерскому движению».

Второй, четвертый и шестой отделы книги («Меньше барабанного боя», «Пионерская дисциплина», «За красочность и сплоченность») посвящены отдельным моментам работы пионеротрядов. Почти во всех этих статьях и выступлениях тов. Крупская особо подчеркивает необходимость прививки ребятам навыков коллективизма, товарищества и сплоченности. Сейчас, в повседневной, практической работе у нас часто забывают об этой основной задаче — подготовки из пионеров нового типа людей, тем более уместны и своевременны развиваемые здесь мысли Н. К. Они должны быть хорошо усвоены каждым детским работником.

В ряде статей подчеркивается роль комсомола в руководстве пионердвижения. Но сейчас одними силами комсомольцев не обойтись, нужно привлечь и другие общественные прослойки. «Каждый взрослый, что-либо умеющий, должен помогать ребятам научиться тому, что он знает. Работница скажем, умеет шить на машинке. Рабочий умеет делать деревянные ящики... пусть он научит этому ребят». Это, конечно, вовсе не исключает громадную воспитательную роль вожакого и необходимости наличия у него определенных педагогических навыков.

Останавливаясь подробно на содержании пионер-работы, тов. Крупская отмечает опасность перегиба палки как в сторону излишней «барабанщины», так и вообще поверхностности в работе. Этому посвящена статья «Меньше барабанного боя», об этом же говорится в ряде докладов и выступлений. Когда за последние годы пионердвижение переживало ряд больших трудностей, — Н. К. в своих речах на VII съезде ВЛКСМ, на V конференции и в статьях отмечала, что в работе отрядов замечается некоторый шаблон — отсутствие красочности. «У ребят создается большой фюр» и «единком мало простору дается самостоятельности ребят». Вместе с тем совершенно верно заявление о том, что «разговоры о кризисе, который переживает пионердвижение, преувеличены». В статье «о деткружках» т. Крупская развивает вопрос о необходимости всестороннего учета интересов ребят во всей нашей работе. «Трое, пятеро ребят задумают заняться чем-нибудь, поставят себе общую цель — пусть образуют кружок, спаянный общей целью, общим интересом, — пишет она.

Третий отдел: «Детдвижение и школа». В нем мы находим исные ответы на вопросы о задачах советской школы, о самоуправлении учащихся, о горячих завтраках и др. Две статьи уде-

лены общественной работе школы. Особо подробно освещен вопрос о взаимоотношениях пионердвижения со школой как в принципиальном отношении, так и в деле практического согласования их работы, а также о роли пионеров, комсомольцев и фартоста, организации фаб. зав. семилеток.

И, наконец, в особом отделе «Внимание детворе» собраны статьи о внешкольной работе, о дошкольном воспитании и о борьбе с беспризорностью.

Таким образом книга Н. К. отвечает на все вопросы коммунистического воспитания детей. Ценность ее увеличивается тем, что почти во всех выступлениях и статьях (стр. 45, 107, 123, 137, 145, 169) приводятся воспоминания Надежды Константиновны из своей личной жизни, из прошлого революционного движения, из биографии и деятельности В. И. Ленина.

Мы горячо рекомендуем сборник статей Крупской каждому комсомольцу, каждому активисту и, в особенности, всем работникам пионер-организации.

И. Разин

И. ШТЕЙН и С. БЕЗБОРОДОВ. — «Мастер и ученик». Из-во «Молодая Гвардия 1927 г. тир. 10.000 экз. и. 10 коп.

После того, как нашу партийную, комсомольскую и профессиональную прессу обошел ряд фельетонов о возмутительных случаях избиений и издевательств мастеров над учениками, выход такой брошюры хотя и с опозданием, принесет бесспорную пользу.

Читателям еще памятен случай беспримерно дерзкого избиения мастером ученика Бейраха на одной из ф-к Иваново-Вознесенской губ. Пока дело дошло до «рукоташной» расправы с Бейрахом, он в течение долгого времени подвергался всяческому глумлению и издевательствам со стороны старых мастеров, у которых еще оказались бодрствующим «дух» капиталистической фабрики, где мастер был «царь, бог и воинский начальник». И что хуже всего видеть, это подчас гробовое молчание окружающих, о случаях издевательств и избиений учеников. Больше того. На фабрике «Красный Октябрь» Иваново-Вознесенской губернии, в строгальном отделении работало 4 коммуниста и 4 комсомольца. Там же в течение полутора лет мастера глумились над учеником Расадкиным, принижая ему жестокие физические боли, обливая зимой холодной водой, раздевая и заливая определенные места скипидаром и пр. Продолжалось это до тех пор, пока ученик не сошел с ума и не был отправлен в психиатрическую больницу.

Тут больше всего поражает архипреступное поведение коммунистов, кото-

рые зная, что комсомольца Рассадина, систематически изо-дня в день мучают, ничего против этого не предприняли.

Мы не спорим, пережитки капиталистической фабрики еще сохранились и они крепко сидят у отдельных мастеров и старых рабочих. Но ведь революция настолько взрыхлила почву, что казалось бы такие случаи должны были бы с первого дня предаться широкой общественной огласке. Однако, факты говорят обратное. Чем же это объяснить? Несознательность ученика, его неуверенность в том, что в случае огласки этого факта, он будет поддержан ячейкой, фабкомом. Невежественные мастера великодушно учитывают такие настроения учеников и вместо того, чтобы помочь им получить квалификацию, всячески саботируют их, держат на подсылках по своим личным делам и пр.

Какая мыслима учеба квалификации при такой обстановке? Тут приходится больше всего заботиться о том, как бы угодить мастеру и остаться на работе. А то в противном случае всякими придирками, правдами и неправдами мастер постарается отделаться от «непослушного» ученика.

Но уже растут и здоровые настроения во взаимоотношениях мастеров и учеников. В брошюре т. Штейна и Безбородова приведены факты заботливого отношения мастеров к обучению учеников.

Мастер начинает становится общественником. Он охотно идет в комсомольскую ячейку учить молодежь не только как приобретать квалификацию, но и

как строить, рационализировать производство. Ростки такого здорового отношения мастеров к ученикам, надо всемерно поддерживать. Лишь на этой почве возможно успешное обучение новых кадров квалифицированных рабочих.

Тов. Штейн и Безбородов, вполне правильно поступили, выдвинув проблему взаимоотношений ученика и мастера, в условиях, *когда наша молодежь сильно тянется к получению квалификации и когда труд подростков на фабриках и заводах принимает «учебный» характер.*

В брошюре толково и понятно каждому мастеру и ученику, поставлены вопросы, столь необходимого обоим сторонам товарищеского сотрудничества, на почве строительства социалистической промышленности.

Но нам нужна целая серия таких книжек. Темы сами напрашиваются. К примеру, не мешало бы издать такие книжки: 1) Зачем нам нужна рационализация и как ее проводить; 2) Почему существует у нас безработица (среди молодежи и как с ней бороться); 3) Как нужно молодежи участвовать в производственной жизни предприятия и поднимать производительность труда и т. п.

Ведь кроме другой литературы нужна и хорошая книжка для рабочей молодежи, приобщающая ее к делу соц. строительства, поощряющая изобретательство среди молодежи и т. п.

А. Горюнович.

ОТ РЕДАКЦИИ

В № 15—16 „Юного Коммуниста“ в дискуссионном отделе помещена статья „За единый боевой орган“. Не входя в обсуждение выдвинутого авторами предложения о слиянии журналов „ЮК“ и „Мол. Большевик“, Редакция вынуждена заявить, что она не разделяет аргументации автора.

РЕДКОЛЛЕГИЯ: И. Жодлак, Кансберг, Т. Бостров, Д. Матвеев, А. Мильчаков, Д. Ханин и Н. Чаплин.

Ответственный редактор—Д. Ханин.

Издательство ЦК ВЛКСМ

«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

Москва, Центр, Новая площадь, 6/8

НОВЫЕ КНИГИ

Часовой советских морей и комсомол. Сборник под редакцией Военно-Шефской Комиссии ЦК ВЛКСМ и с предисловием т. Уншлихта

Содержание сборника

Уншлихт — Ленинский комсомол крепит военную мощь Союза. П. Курков — Строительство красного флота за пять лет шефства комсомола. Ф. Пожитков — Пять лет. П. Базилович — Красный флот. С. Степанов — Политический облик Красного флота. Красный флот на боевом посту. «Старый моряк» — Фот. военный корабль. Б. Карпенко — Боевая деятельность флота. С. Степанов — Эпизоды революционно-боевой деятельности флота.

135 стр.

Ц. 65 к.

Комсомол на культурном фронте. Из опыта московской организации ВЛКСМ. Составил В. Лейзерович

Содержание

Предисловие В. Васильева. В борьбе за культурный быт. Час культурной работы. Опыт оживления дня. Улучшайте связь в первой шеренге. Навстречу запросам самодеятельности молодежи. На новый культурный лад. Туризм — новая форма массовой культурно-просветительной работы КСМ. Театр рабочей молодежи. Кино в помощь воспитанию молодежи. Фото на службе комсомола.

125 стр.

Ц. 60 к.

Гумедиц, Г. — От троцкизма к меньшевизму. Критика платформы Троцкистского Союза Молодежи Армении

Содержание

Трудности развития комсомола в Закавказье. Корни троцкистского союза молодежи. Проблема взаимоотношений классов и ВЛКСМ. Аппарат и массы. Партия и союз. О культурничестве и политике. От троцкизма к меньшевизму. Приложения

111 стр.

Ц. 90 к.

Межлаук (МК ВКП(б) — Основные вопросы рационализации производства. Консультации по текущим вопросам

Содержание

Вводные замечания. Вопросы. Ответы на вопросы

64 стр.

Ц. 25 к.

В провинцию заказы высылаются наложенным платежом по получении 25% задатка. При высылке всей суммы заказа вперед — пересылка и упаковка за счет Издательства

ЗАКАЗЫ И ДЕНЬГИ НАПРАВЛЯТЬ ПО АДРЕСАМ:

Москва, Новая пл., д. 6/8. Издательство «Молодая Гвардия»

ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА:

Ленинград, Проспект 25 Октября, 54. Харьков, Горьковский пер. Дворец Труда, маг. № 15. Ростов н/Д, проспект Подбельского, 15. Киев, ул. Воробьинского, 25, пассаж 33. Свердловск, ул. Малышева, 56

МАГАЗИНЫ В МОСКВЕ

Москва, Неглинный пр., д. 8., Тверская ул., д. 37

„КОМСОМОЛЬСКИЙ АГИТПРОПРАБОТНИК“

Двухнедельный орган Агитпропа ЦК и МК ВЛКСМ, имеющий своей задачей помочь в практической работе комсомольскому агитатору и пропагандисту.

„Комсомольский Агитпропработник“ является руководящим органом по всем вопросам политучебы.

В „Комсомольском Агитпропработнике“ даются систематические указания о том, как изучать политграмоту, как самостоятельно работать над политической книгой, какой круг вопросов прорабатывать для того, чтобы быть в курсе дел политической современности.

Каждая ячейка „Комсомольский Агитпропработник“, не только должна изучать политграмоту, но и должна помогать другим по изучению политграмоты.

„Комсомольский Агитпропработник“ даст работу колл.

1734/11
Н. Новороссийская ул. 43
Москва
11/11

„Комсомольский Агитпропработник“ организатор ячейки, райкома, укома.

Каждый активист, каждый комсомолец должен читать журнал «Комсомольский Агитпропработник»

Подписная плата: 1 год—4 р. 70 к., 6 мес.—2 р. 40 к., 3 мес.—1 р. 25 к., 1 мес.—45 к.

Цена отдельного номера (в газетн.-журн. киосках)—25 к.

Подписку направлять почтовым переводом по адресу: Москва, Тверская, 37; Главная Контора Периодических Изданий Изд-ва „Молодая Гвардия“